

Мишель ЗЕВАКО

ДВОР ЧУДЕС

Серия исторических романов

Мишель Зевако

Двор чудес

«ВЕЧЕ»

1901

Зевако М.

Двор чудес / М. Зевако — «ВЕЧЕ», 1901 — (Серия исторических романов)

Правление Франциска I, «короля-рыцаря», как он сам себя называл, – это эпоха французского Возрождения и становления абсолютизма. Потеряв после битвы при Павии «всё, кроме чести», король не привык считаться с чужим мнением и жил по принципу «ибо так нам угодно». Будучи сторонником идей гуманизма и веротерпимости, Франциск поддерживал то католиков, то протестантов. В его правление цвели буйным цветом костры инквизиции, которые сам король посещал во главе триумфальных шествий. Однако не всё было плохо во Французском королевстве. На благо страны широко использовались заморские таланты Леонардо, Рафаэля, Челлини, вдоль Луары строились замки дивной красоты, расширялся флот. А кроме того, было принято смелое решение нарушить вековой договор с королевством Арго. Пристанище парижских воров и бродяг подлежит уничтожению. «Двор чудес» продолжает события, начатые в романе «Трибуле». На русском языке публикуется впервые.

© Зевако М., 1901

© ВЕЧЕ, 1901

Содержание

Об авторе	5
I. Воры и потаскухи	7
II. Удача Франциска I	15
III. Джипси	19
IV. Беатриче	28
V. Господин Флёриаль	31
VI. Награда Алэ Ле Маю	36
VII. Завещание Этьена Доле	44
VIII. Фонтенбло	48
IX. Гонец из Парижа	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мишель Зевако

Двор чудес

Об авторе

Жизнь французского писателя Мишеля Зевако, автора захватывающих романов плаща и шпаги, была не менее яркой и бурной, чем его собственные книги. Он родился 1 февраля 1860 года в родном городе Наполеона – славном Аяччо, столице острова Корсика. После девятилетнего обучения в школе-интернате будущий писатель поступает в лицей Святого Людовика в Париже и уже через два года, в возрасте 20 лет, получает назначение на место преподавателя литературы в коллеже во Вьене близ Лиона. Карьера молодого учителя складывается весьма удачно, но через 10 месяцев его отстраняют от должности из-за любовной интрижки с женой местного муниципального советника. В 1882 году Зевако решает продолжить карьеру своего отца и записывается в 9-й драгунский полк. Но будучи совершенно невосприимчивым к дисциплине и довольно-таки нерадивым солдатом (потерял саблю, упустил коня, проигнорировал участие в ночном дозоре), а также весьма дерзким и заносчивым, Мишель не находит себя и на этом поприще. За четыре года службы он заработал в общей сложности 88 суток ареста и имел 118 приводов в полицию.

Покинув армию в 1886 году, Зевако возвращается в Париж и начинает зарабатывать на жизнь пером, заделавшись политическим журналистом. Провалившись на выборах в парламент в сентябре 1889 года, буйный корсиканец избирает своей литературной мишенью министра внутренних дел Констана и в одной из газетных публикаций вызывает противника на дуэль. За этот «наглый поступок» Зевако приговаривают к штрафу в тысячу франков и четырем месяцам заключения в тюрьме Сент-Пелажи. После выхода на свободу Зевако возвращается в редакцию газеты «Эгалите» («Равенство»). Здесь он продолжает писать и публиковать свои статьи и романы. Затем без особого успеха пытается создать газету «Ле Гё» («Нищий»), выпустив единственный номер в марте 1892 года. Вскоре неумный бунтарь направляет свою кипучую энергию на поддержку анархистов. От их имени он обращается к парижанам с яростным воззванием против буржуазии, породившей голод в стране: «Если вам нужны деньги, возьмите их сами, а если понадобится кого-нибудь убить – так и убейте!» Отказавшись от уплаты штрафа в 2 тысячи франков и заочного лишения свободы за это выступление, Зевако опять попадает в Сент-Пелажи, где и проводит шесть месяцев. Однако усиленные репрессии в стране против анархистов смягчают литературные воззвания пламенного корсиканца, а дружба с монмартрскими художниками прерывает его журналистскую карьеру на три года. Лишь в 1898 году он вновь берется за перо, чтобы осветить знаменитое дело капитана Дрейфуса. Это событие ставит последнюю точку в бунтарских амбициях разочаровавшегося Зевако, уставшего от бездействия и всевозможных махинаций политических партий и профсоюзов.

Последние 20 лет его жизни были посвящены только историческим и приключенческим романам, которые писатель с успехом публикует в журналах, следуя по стопам своих кумиров – Виктора Гюго и Александра Дюма. Восторженные критики прозвали Зевако «последним романтиком уходящей эпохи». Начиная с 1899 года «Шевалье де ла Барр», «Борджиа», «Капитан» и многие другие романы снискали писателю славу и статус самого высокооплачиваемого французского романиста наряду с автором «Призрака Оперы» Гастоном Леру. Успех сопутствовал Зевако до последних дней. Он умер 8 августа 1918 года в городке Обонн, неподалеку от Парижа. Лучшие романы писателя («Нострадамус», «Тайны Нельской

башни», саги о Рагастенах и Пардайянах) и поныне пользуются большой популярностью у читателей во многих странах мира.

В. Матющенко

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ МИШЕЛЯ ЗЕВАКО

- «Мост вздохов» (Le Pont des soupirs, 1901)
- «Кровное дело шевалье» (Les Pardaillan, 1902)
- «Тайны Нельской башни» (Buridan, Le héros de la Tour de Nesle, 1905)
- «Капитан» (Le Capitain, 1906)
- «Нострадамус» (Nostradamus, 1907)
- «Героиня» (L'Héroïne, 1908)
- «Отель Сен-Поль» (L'Hôtel Saint-Pol, 1909)
- «Дон Жуан» (Don Juan, 1916)
- «Королева Изабо» (La Reine Isabeau, 1918)
- «Королева Арго» (La Reine d'Argot, ed. 1922)
- Серия «Рагастены» (Les Ragastens, 1900–1922):
- «Борджиа» (Borgia! 1900)
- «Трибуле» (Triboulet, 1901)
- «Двор чудес» (La Cour des Miracles, 1901)
- «Большая авантюра» (La Grande Aventure, ed. 1922)

I. Воры и потаскухи

В те времена, о которых мы хотели бы дать представление, изображая правдоподобные для тех лет лица и события, действия властей не окружались такой тайной, как теперь.

В наши дни какая-нибудь облава, предпринимаемая полицией, остается под строгим секретом, пока не состоится. Воры же Двора чудес все прекрасно знали, что готовится против них: огромная облава, затеянная Монкларом по наущению Игнасио Лойолы.

Одного только воры не знали, в какой день она случится.

А пока Двор чудес готовился выдержать форменную осаду.

Король Арго – нищий Трико – ловко распустил слух, что никакой облавы не будет, но, выслушав советы Манфреда и Лантене, бродяги поступили так, как будто королевская стража вот-вот появится. Собрали боеприпасы и по всем улочкам вокруг Двора чудес построили крепкие баррикады.

Сначала Трико возражал против этой обороны, но затем стал всерьез играть роль воинского начальника.

Тем вечером он, как обычно, расставил передовые посты по всем улицам вокруг большой квадратной площади. Но часовыми были его люди, и Трико дал им такой приказ:

– Ничего не говорить, всех пропускать!

Это мы объяснили, теперь вернемся к Рагастену.

Шевалье и Спадакаппа быстрым шагом пошли от улицы Сен-Дени кратчайшим путем ко Двору чудес.

Рагастен хмурился. Им надо было любой ценой найти Манфреда. Но в последнее время, когда он пытался попасть на воровскую территорию, всякий раз возникали такие неожиданные помехи, что на сей раз он почти уже и отчаялся.

– Монсеньер, – сказал ему Спадакаппа, ухмыляясь в огромные усы, – знаете, о чем я думал, когда мы сидели в подвале в усадьбе Тюильри?

– Не знаю; скажи, сделай милость.

– Я думал: если одному из солдат вдруг захочется выпить вина из нашей бочки...

– Теперь понимаю: нам пришлось бы с ним разделяться. А почему ты об этом вспомнил?

– Да так. Просто подумал, что люди, которым хочется пить, способны на все – например, забыть, что им приказали.

– Вижу, что у тебя на уме. Дурной способ. Я раз попробовал... Нет, у меня другая мысль, вдруг да получится... Пошли!

Вскоре они очутились в лабиринте узеньких вонючих переулков, плотной сетью опутавших воровские владения.

Рагастен задумал вот что: первому же встречному бродяге, который преградит им дорогу, рассказать то, что он слышал из уст самого короля: ровно в полночь на державу Арго нападут все люди Монклара.

К своему великому изумлению, он шел без всяких препятствий.

Вдруг посреди одного переулка перед ним встала баррикада.

«Так-так! – подумал Рагастен. – Видно, наши люди не дремлют! Тут-то нас и возьмут».

Рядом с ним вдруг очутился какой-то человек.

– Друг, – сказал ему Рагастен, – мне надо пройти. Дело касается всех нас, и нашей жизни.

– Вы от двора? – спросил человек. – Проходите.

Это был часовой, поставленный Трико.

«О каком дворе он говорил?» – подумал про себя Рагастен.

И он проворно перескочил через наваленную в этом месте преграду.

Выбросив из головы вопрос, что означает эта неожиданная легкость доступа в то самое время, когда воры держались настороже больше обычного, Рагастен продолжил путь.

Дух у него зашелся, когда он увидел в конце переулка большую площадь, освещенную кострами.

Через несколько секунд он уже был во Дворе чудес. Он немного задержался, чтобы по возможности сориентироваться и рассмотреть необычное зрелище.

Тяжелым, чадным огнем горели пять-шесть больших костров поодаль один от другого. Иногда порыв ветра отгонял дым, и тогда пламя освещало красным дома вокруг большого прямоугольника – дома гнилые, обшарпанные, все в трещинах, с черными окнами, которые, словно пустые глазницы, глядели на площадь.

Вокруг огней бурлили толпы, а за столами мужчины со зверскими лицами и женщины с изможденным видом хриплыми голосами распевали песни, осушая оловянные кружки, куда воровки то и дело подливали вина.

Другие, сидя на раскисшей земле, чистили рапиры и точили кинжалы. Иные заряжали аркебузы.

Рагастен и Спадакаппа прошли через эту толпу, но никто не обращал на них внимания. Ведь раз они здесь – значит, объяснили часовым, зачем идут.

Рагастен нетерпеливо всматривался в эти кучки людей, которые казались призрачными в красноватом свете костров.

Среди этих мрачных, свирепых лиц он пытался разглядеть веселое, честное, энергичное лицо юноши, которого он вытащил из-под виселицы.

Но узнает ли он его, даже если и разглядит?

Одна группа, самая многочисленная и непохожая на другие, привлекла его особое внимание. Здесь не пили, не пели песен. Кто-то, кажется, держал речь, а сотни две-три человек его слушали.

Все они были хорошо вооружены. Почти все носили кирасы.

Словом – настоящая армия Двора чудес.

Рагастен подошел и сквозь плотную толпу пробрался в первые ряды.

Посередине было расчищено довольно большое пространство. Там стоял помост из досок, уложенных на пустые бочки. На помосте стоял стул, а на стуле сидел человек и громко говорил так, чтобы слышали все собравшиеся. Рагастен его сразу узнал: то был Трико.

Его слушали в такой напряженной тишине, что Рагастен немедленно догадался, какую власть имел этот человек.

Несколько человек вокруг помоста, похоже, дожидались своей очереди держать речь в этом собрании нотаблей: ведь во Дворе чудес, как и повсюду, была социальная иерархия, хотя и не столь жесткая, потому что каждый член общества здесь мог объявить себя независимым.

– Короче, дело такое, – перешел Трико к заключению своей речи. – Никто на нас нападать не будет: не посмеют! Нашим святым вольностям уже много веков – так к тому же у нас еще и сила есть! Вот я и говорю, что бояться нам нечего. Быть того не может, чтобы великий прево задумал такую глупость: взять силой королевство Арго. Поэтому я говорю вам: на провокации не поддавайтесь! Давайте сейчас же разберем баррикады – они только без толку обижают прево, – сложим оружие и пойдем себе спокойно спать. Я все сказал.

По рядам воров пробежал одобрителный шепот – но так шепчется меж собою стая волков: непосвященный принял бы ее рык не за одобрение, а за угрозу.

Вдруг в этом шуме раздался молодой сильный голос:

– Братья, наш добрый Трико ошибается! Клянусь вам: скоро на вас нападут! Не разбирать надо баррикады, а укреплять.

Рагастен так и вздрогнул. Он встал на цыпочки и увидел, что говорит юноша, стоящий возле помоста, опираясь на шпагу.

Это был Манфред.

Сердце шевалье заколотилось.

Нет, не может быть, чтобы этот молодой человек с честным, откровенным, отважным лицом был таким бандитом, как расписывал Трико у Монклара!

Неодолимый порыв симпатии бросил Рагастена к самому помосту. Он встал рядом с юношей.

Все в изумлении остолбенели.

Увидев, что на него бросаются два человека с оружием, Манфред уже готов был крикнуть: «Измена!», но тут шевалье поспешно произнес:

– Вспомните мертвецкую под Монфоконской виселицей!

– Шевалье де Рагастен! – с бурной радостью воскликнул Манфред. – Наконец-то я вижу вас, сударь! Наконец-то могу поблагодарить!

Он протянул обе руки Рагастену. Шевалье взволнованно сжал их. Мириады мыслей теснились в его голове. Мириады слов разом рвались наружу. Он хотел рассказать о Беатриче, о Жилет, о себе, об Италии, расспросить обо всем, что жаждал знать.

Но сначала нужно было спасти все дело.

– Милостивый государь, – сказал он, – велите немедленно сменить всех часовых.

– Почему?

– Раз я сюда прошел, то могли пройти и другие.

– Вы правы. Нас предали!

Манфред что-то сказал Лантене, и тот сразу исчез.

Трико, сидя на помосте, не мог видеть шевалье. Пока Рагастен с Манфредом обменивались репликами, король опять взял слово, чтобы уговорить воров.

– Ошибаюсь не я, а брат наш Манфред, – сказал он. – Я точно знаю, что великий прево против нас ничего не замышляет.

– Так значит, он сам тебе и сказал! – воскликнул Манфред.

Он тут же вскарабкался на помост и встал напротив Трико.

Того затрясло от ярости.

– Ты оскорбил короля Арго! – произнес он. – Будем тебя сейчас же судить.

Гробовое молчание опустилось на воровскую толпу.

– Нет, судить будут тебя! – возразил Манфред. – Братья, я обвиняю Трико в измене. Обвиняю в том, что он продался великому прево. Обвиняю, что он вошел в соглашение с теми, кто хочет нас уничтожить.

– Ложь! – заорал Трико.

– Судить! Судить! – вопила толпа.

– Пусть ответит!

– Если Манфред соврал – казнить его!

И за несколько мгновений вся сцена, описанная нами, переменилась.

Суд у воровского народа был скор. У воров не было следователей, не было присяжных, но если последний убогий калека выдвигал обвинение против самого грозного казначея или бригадира, то казначей и бригадир, и даже сам герцог Египетский, и даже сам король Арго, должен был тут же ответить.

Итак, неподалеку от помоста, служившего тронм Трико – пугающим тронм, по какой-то иронии устроенным наподобие эшафота, – стояла виселица.

Толстое бревно вкопали в землю. Наверху гвоздями прибили перпендикулярно другое бревно, покороче. На конце поперечного бревна висела веревка с петлей. Прямо под петлей поставили приступку с тремя ступеньками.

Виселица и трон стояли рядом друг с другом всегда. Время от времени только меняли веревку на виселице.

Когда на смерть осуждали вора – товарища, уличенного в какой-либо провинности против братства, то осужденного ставили на приступку и накидывали на шею петлю. Кто-нибудь из присутствующих ногой вышибал из-под него приступку, несчастный повисал в воздухе, и казнь совершалась по всем правилам искусства, согласно требованиям скорого суда.

И вот теперь за пару секунд вся толпа, окружавшая трон Трико, собралась вокруг виселицы.

Трико встал перед судьями. Манфред как обвинитель стоял рядом с Трико.

В этот миг часы на церкви Сент-Эсташ пробили одиннадцать.

Трико вздрогнул.

«Продержаться еще только полчаса да успеть подать знак – и я спасен!» – подумал он.

Он оглянулся кругом.

Возле виселицы лежали заряженные аркебузы на случай нападения.

Трико увидел их и улыбнулся.

Мы помним: король Арго должен был трижды выстрелить из аркебузы, чтобы дать знать Монклару: Двор чудес спит, можно заходить свободно.

– Говори! – сурово произнес один из судей, обращаясь к Манфреду. – Прежде ты, Трико тебе ответит.

– Я повторяю то, что сказал. Трико вас предал. Часовые, которых он поставил, с ним заодно.

– Докажи! – заорал Трико.

Явился Лантене.

– Я сейчас сменил всех часовых, – сказал он, – а тех, что выставил Трико, велел связать.

Они признались, что у них был такой приказ: ничего не говорить, всех пропускать.

– Что ты на это скажешь? – спросил судья.

– Часовых подкупили, чтобы меня обвинить, а моего приказа они не поняли.

– Я обвиняю Трико в сговоре с великим прево, – сказал Манфред.

– Отвечай! – сказал судья.

– Отвечаю: это вранье! А если и правда, кто это видел? Откуда такому взяться?

– Я видел! – произнес Рагастен.

Трико весь побелел и растерянно уставился на шевалье. Придя в себя, он с усилием пробормотал:

– Я вас не знаю...

– Это чужой! – сказал судья. – Как он сюда попал?

– Верно, верно! – крикнул Трико, вернув себе прежнюю уверенность. – Пусть скажет, как он сюда к нам попал!

– Очень просто, – спокойно ответил шевалье. – Часовые меня пропустили, потому что у них был приказ пропускать всех, кто пришел от двора. Меня приняли за придворного вельможу.

С этими словами поднялся страшный шум, и перед лицом Трико замелькали поднятые кулаки воровского народа.

Но у этих неотесанных людей было такое чувство дисциплины, что никто и шага вперед не сделал: ведь суд еще был не окончен.

– Он не из наших! – голосил Трико, стараясь перекрыть толпу. – Вы двадцать лет меня знаете! Кому больше веры: мне или ему – шпиону, должно быть?

Рагастен шагнул к нему и схватил за руку.

– Ты меня шпионом назвал? – сказал он спокойно, как всегда говорил, когда был совершенно уверен в себе. – Проси прощения.

Трико завопил от боли, стараясь вырваться.

Воровская толпа молча во все глаза глядела на них.

Рагастен стоял неподвижно, но его нервы были напряжены до предела. Воровской король еще раз попытался вырваться, пошатнулся и, поблуднев от ярости, упал на колени, хрипя:

– Простите, простите...

Толпа затрепетала от зрелища силы, одолевшей другую силу, и радостно затопала ногами.

– Ура! Ура! – кричали воровки.

Манфред поднял руку.

Все снова затихло. Юноша заговорил:

– Братья, однажды лисицы великого прево загнали меня, как молодого волка. Меня приперли к Монфоконской виселице, я спрятался в мертвецкой. Знаете ли, что сделал тогда господин де Монклар? Запер железную дверь, приставил к ней двенадцать сторожей и велел, чтобы я сдох там от голода.

Невозможно представить, какая буря разразилась после этих слов. В адрес великого прево разом загрохотали все проклятья на всех языках Европы.

– Да я бы кишки его сожрал!

– Из его башки да кружку бы сделать!

– На вертеле его поджарить! – раздавалось над грозной, словно судорогой сведенной, тысячеголовой толпой.

– Тогда, братья, – продолжал Манфред, – пришел человек, прогнал двенадцать сторожей, сломал железную дверь и сказал мне: «Иди, ты свободен!» Вот он – тот человек! – указал он на Рагастена.

Снова раздались крики, но старейший из судей поднял руки, и в мгновение ока, как все случилось у этих людей, настала опять тишина.

– Слава этому благородному человеку! – воскликнул старый вор со свирепым лицом, седой бородой и растрепанными волосами. – Слава ему и хвала! У нас, у наших детей, у детей детей наших, из рода в род, через века пусть будет примером его отвага и доблесть. Пусть говорит! Его приход – нам великая честь.

Рагастен, смутившись, обернулся к Трико:

– Что ж, признавайся, прохвост...

– Признание – смерть моя! – вполголоса ответил Трико. – Спасите меня, монсеньер, умоляю!

Рагастен обернулся к необычному суду и уже хотел просить милости королю Арго.

К несчастью для того, кто-то из стоявших вблизи расслышал его слова.

– Он признался! – завопили они. – Смерть ему! Смерть ему!

Мигом Трико оказался связан и стоял на приступке. Рагастен уже приготовился защищать беднягу, собрался вытащить шпагу, но тут кто-то схватил его за руку.

– Оставьте, сударь, – сказал ему Манфред. – Это все равно что останавливать бурный поток. Гляньте-ка! Да и не стоит того этот тип...

Он говорил, а в это время происходила жуткая сцена. Дюжина воров притащили Трико под виселицу. Поставили его на приступку – страшный смертный порог – и уже готовились накинуть петлю.

– Смилюйтесь! Пощадите! – хрипел несчастный.

Но тут к виселице прорвалась сотня женщин с воплями:

– Ему не смертью храбрых умирать!

Они схватили бывшего короля Арго и потащили куда-то в один из самых темных закоулков Двора чудес.

Какое же примитивное, грубое, безрассудное правосудие сотворили эти эвмениды с развевающимися волосами, бесстыдно обнаженными грудями – мерзкие, но прекрасные?

Послышались крики ужаса Трико и вопли бешенства женщин.

Потом голос короля Арго замолк, как будто потух.

А через несколько мгновений с полдюжины окровавленных женщин принялись выкидывать части растерзанного трупа.

Четвертовали они его? Разорвали на части, подобно коням, подгоняемым кнутом палача? Разрубили? Толком так никто и не знает.

Один из воров, жуткий с виду, огромный, похожий на древнего циклопа, тем более что он был одноглаз, спокойно подошел к виселице.

Звали его Ноэль Кривой.

Рядом с виселицей был установлен воровской штандарт – пика, на которую насаживали кусок какой-нибудь падали: конины или собачины.

Ноэль Кривой вырвал пику, снял насаженный на нее кусок мяса, посадил на его место то, что держал под плащом, и поставил штандарт на место.

Страшный яростный клич воровского народа приветствовал новый штандарт. Ведь это была голова Трико – короля Арго.

Рагастен побледнел.

– Уже половина двенадцатого, – сказал он. – Уходите, пора.

Манфред покачал головой:

– Нет, я буду здесь.

– Но сейчас сюда нагрянет великий прево со всей своей силой!

– Потому-то я здесь и буду.

– Что же, вы и впрямь из этих? Вы тоже вор?

– Я не вор, – хладнокровно ответил Манфред, – но воспитан среди этих бедняг. В их глазах я никогда не видел ничего, кроме сочувствия, а их жестокие руки, когда я был мал, привыкли ласкать меня...

– Говорите! Говорите дальше! – взволнованно воскликнул Рагастен.

– Это несчастные люди, – продолжал юноша, – и я люблю их, как любили они меня. Сегодня я им нужен. Если надо – умру вместе с ними. Спасибо, сударь, что предупредили... Я вдвойне вам обязан, если это возможно... но я буду здесь.

– Тогда и я тоже, – сказал Рагастен.

Манфред так и вскрикнул от радости:

– С такой шпагой, как ваша, мы не пропадем!

Он подозвал Лантене.

– Брат, – сказал он, – вот великодушный человек, о котором я так много тебе говорил...

Лантене с восхищением и признательностью посмотрел на шевалье и протянул ему руку.

– Сударь, вы герой, – сказал он. – Благодаря вам мой брат не погиб...

– Ваш брат? – удивленно переспросил Рагастен.

– Да мы друг друга называем братьями, хоть и некровные родственники... по всей вероятности.

Рагастен беглым взглядом оценил Лантене – человека, который, по словам Трико, был готов на любое злодейство.

Оценил и понял, что Трико нагло врал. Чего ради?

Последние слова Лантене насторожили его.

– Вы сказали «по всей вероятности»? – опять переспросил Рагастен. – Простите мое любопытство – отнесите его только на счет симпатии, которую вы мне оба внушаете...

– Я так говорю, – ответил Лантене, – потому что мы с Манфредом оба не знаем своего происхождения. Мы вместе росли у одной цыганки со Двора чудес – вот и все, что мне известно о моем детстве.

Рагастен сильно побледнел. Его взгляд со страстным любопытством остановился на Манфреде.

– Где же эта цыганка? – спросил он.

– Здесь, с нами.

– Могу я ее видеть... говорить?

– Да, конечно, – удивленно ответил Манфред. – Но, сударь, не вы ли сказали, что ровно в полночь будет штурм?

– Да, конечно, – сказал Рагастен.

Он утер пот, катившийся градом по лицу, и с усилием избавился от своих мыслей.

– Ваша правда, – произнес он решительно. – Давайте заниматься обороной.

Манфред знаком руки подозвал нескольких воровских старшин, особо уважаемых за храбрость и выдержку.

Рагастена окружал воровской народ, каторжники и висельники. Его невыразимо смущала мысль, что сейчас придется обнажить шпагу ради этих разбойников.

Но он переводил взгляд на Манфреда, и смущение уходило прочь. А вдруг этот юноша – его сын?

Он с ужасом вспоминал слова короля Франциска. Главная цель похода была схватить Манфреда и Лантене.

И на восходе солнца Манфред будет уже повешен у Трагуарского Креста.

А вдруг Манфред – в самом деле его сын?!

Кровь прилила к голове Рагастена. В этот миг он схватился бы один с целой армией, лишь бы спасти юношу. Вокруг него уже не было воров и потаскух. Был только сын (может быть, родной сын!), и шевалье готов был спалить весь Париж, но не дать Манфреду оказаться в руках короля и великого прево.

Проницательным взором он окинул весь Двор чудес.

От него расходилось три переулка.

Все три были перегорожены баррикадами.

– Оружие есть? – спросил шевалье.

– Три сотни аркебуз да пистолетов еще столько же.

– Патронов?

– Хватает.

– Стрелки?

– Мужчины все умеют стрелять из аркебуз.

– А женщины что могут делать?

– Что угодно.

– Хорошо, – сказал Рагастен. – Сотню человек на эту улицу, – (он указал на переулок Спасителя). – Сотню сюда, – (на переулок Монторгёй). – И сотню в этот переулок, – (переулок Калек). – За каждой сотней стрелков поставьте два десятка женщин, только в укрытии – будут перезаряжать аркебузы.

Рагастен не успевал отдавать приказания, как они уже исполнялись.

Тут в церкви Сент-Эсташ пробило полночь.

– Теперь, – продолжал Рагастен, – за каждой сотней аркебузирова поставьте еще по сто человек с пистолетами. Если аркебузирам придется отступить, в дело войдут пистолетчики.

В две минуты было исполнено и это распоряжение.

– Наконец, – закончил Рагастен, – здесь, на площади, останутся все остальные, кто годен. Будет резерв, который можно послать на подкрепление в слабое место.

Шевалье придумал единственную диспозицию, которая оставляла какие-то шансы на успех. Старшины, стоявшие вокруг, это поняли и без всяких возражений приняли план чужака.

– А теперь, – сказал Рагастен, – слушайте меня внимательно. Тот бедняга, с которым так ужасно обошлись, должен был трижды выстрелить из аркебузы – дать знать великому прево, что во Дворе чудес все спокойно. Если выстрелов не будет, штурм, очень может быть, перенесут. Решайте, как вам поступить.

– Понимаю ваше затруднение, сударь, – сказал Манфред. – Значит, я буду говорить за вас и от вашего имени. Братья, если мы теперь не выстрелим три раза, нас как-нибудь в другой раз ночью застанут врасплох. Зато если выстрелим – королевские не будут ждать сопротивления. Вы согласны?

Старшины важно кивнули головами.

– А ваше мнение, сударь? – спросил Манфред Рагастена.

– Дитя мое, – ответил шевалье взволнованно, – на вашем месте я бы сказал то же самое.

При словах «дитя мое» Манфред удивленно поглядел на Рагастена, но приписал эти слова избытку учтивости.

– Значит, решено, – твердо сказал юноша. – Лантене, ты идешь в переулок Монторгёй. Я – в переулок Спасителя. Ты, Кокардэр, в переулок Калек. А вы, господин шевалье, не окажете нам честь остаться здесь и командовать отсюда всеми нашими действиями?

– Лучше я пойду с вами, – ответил Рагастен, стараясь совладать с волнением.

– Тогда пойдемте! Я подам сигнал...

II. Удача Франциска I

Пока во Дворе чудес завершались приготовления к отчаянной обороне, в другом месте тоже кое-что происходило.

Мы видели, как Франциск I вместе с господином де Монкларом и вооруженным отрядом сходил посмотреть, что делается в усадьбе Тюильри, а увидев, что Жилет и шевалье де Рагастен исчезли, вернулся в Лувр, решив участвовать в походе на воров.

Между тем в отряде, который Монклар привел к дому Мадлен Феррон, был один человек, уже известный нашим читателям. То был Алэ Ле Маю.

Оказав герцогине д'Этамп помощь в похищении Жилет, Ле Маю сильно задумался.

Вывод из его размышлений был такой: ему следует опасаться герцогиню, а если король когда-нибудь узнает правду, весь его гнев падет на Ле Маю.

Узнав же о внезапной смерти старой госпожи де Сент-Альбан, он задумался еще сильнее.

«Умерла моя приятельница, – думал он, делая вид, что смахивает слезу, которой на самом деле не было. – Все когда-нибудь помрем, это верно. Но бедная старушка была крепкого здоровья. А умерла, говорят, от каких-то неожиданных колик. Я спрашивал в Бастилии: говорят, с ней эти колики случились, когда ей прислали фруктов. А кто ей прислал эти фрукты? Загадка... Только кажется мне, эту загадку вполне могут звать госпожой д'Этамп. Я-то фрукты в рот не беру и коликами не страдаю, зато очень даже могу в темном переулке как-нибудь напороться на шесть дюймов стали. Премного вам благодарен, сударыня...»

Размышляя далее, мэтр Алэ так еще сказал самому себе:

«А если Его Величество дознается, как звали человека, который похитил молодую красотку? Я видел, на всех парижских виселицах как раз приладили новые веревки... Да кой черт: новая, старая – все равно не нужен моей шее такой галстук!»

Тогда Алэ Ле Маю решил: во-первых, днем и ночью быть настороже, во-вторых, постараться оказать королю какую-нибудь особенную услугу.

Как мы уже говорили, в тот вечер, когда Монклар посетил домик в саду Тюильри, Ле Маю был в его отряде.

Когда пробили отбой, он задумался, куда же все-таки девались люди, которых хотели арестовать. Он видел, как сильно Франциск I желал этого ареста, как необычайно было его разочарование.

Кого же собирались взять? Ле Маю не знал. Но он подумал: «Тот, кто совершит этот арест, сразу станет любимцем Его Величества».

Из всего этого вышло то, что Ле Маю не пошел с королем и Монкларом в Лувр, а спрятался неподалеку от ограды Тюильри.

«Если этих людей там и вправду нет, с меня не убудет тут посидеть, – думал он. – Но никто ведь не видел, как отсюда кто-то выходил, да и в самом деле выйти отсюда нельзя, а значит, если я принесу королю добрую весть, мне выйдет большой прибыток. Буду, стало быть, ждать!»

И вот Ле Маю, спрятавшись за старыми деревьями, вменил себе в долг серьезное, внимательное наблюдение.

Ждал он довольно долго и уже собирался было отказаться от своей вахты, как вдруг кто-то вышел из дома. На невнимательный взгляд этот человек сошел бы за молодого дворянина.

Ле Маю понял, что это женщина. Это и в самом деле была Мадлен Феррон: как мы знаем, она выходила убедиться, что кругом все спокойно. Ле Маю приготовился пойти за ней, но она внезапно вернулась в дом.

«Надо еще подождать, – подумал наш наблюдатель. – Весь выводок должен быть в гнезде – значит, скоро наверняка вылетит».

И действительно, десять минут спустя показался огонек.

– Вот они! – прошептал Ле Маю.

Из дома вышел молодой дворянин, потом еще двое мужчин и две женщины.

Ле Маю пристроился шагах в пятидесяти позади Спадакаппы, замыкавшего этот маленький отряд, и осторожно пошел, прячась за деревьями, когда шли садами, или прислоняясь к стенам, когда проходили парижскими улицами, а если высокая фигура Спадакаппы останавливалась – падая ничком.

Когда дошли до улицы Сен-Дени, Алэ Ле Маю сменил тактику. Он вышел на середину улицы, горланя пьяную песню.

Так он прошел сначала мимо Спадакаппы, потом Рагастена, провожавшего двух дам.

Ла Маю задумал разглядеть хотя бы одно лицо. И он действительно увидел и Спадакаппу, и Рагастена...

Только он их совсем не знал.

Что касается женщин, они были так укутаны, что разглядеть было ничего невозможно.

Вдруг, как раз когда маленький отряд оказался в пятне света из окна кабачка, порыв ветра сорвал с дамских голов капюшоны.

Ле Маю, во весь голос допевавший четвертый куплет пьяной песни, так и застыл в изумлении.

Дамы уже натянули капюшоны обратно, но одну из них Ле Маю узнал.

Он изо всей мочи раскашлялся, как будто из-за этого и перестал петь, потом запел снова, пошел вперед и скрылся из вида.

– Маленькая герцогиня! – твердил он про себя. – Это маленькая герцогиня! Та хорошенькая птишка, которую я посадил в ту паршивую клетку по приказу госпожи д'Этамп! Вот те на! Так она удрала? Видно, дело хорошо оборачивается!

Он обогнал еще и Мадлен Феррон, а потом пошел вперед как раз настолько, чтобы не потерять тех, у кого сидел на хвосте. Тогда, конечно, так еще не говорили, но именно такой слежкой занимался сейчас Ле Маю.

Вдруг он увидел, как все они скрылись в богатом буржуазном, скорее всего, дворянском доме.

Ле Маю тотчас вернулся обратно и хорошенько запомнил дом, который и так был очень приметен.

– А тут у них настоящее логово, – прошептал он. – Теперь все понятно. Человек, который провожал дам, – родственник маленькой герцогини де Фонтенбло. Может быть, брат. Он выкрал ее от Маржантины с улицы Дурных Мальчишек. Король ее случайно увидел в усадьбе Тюильри. Но там в доме был тайник. А теперь они будут прятаться здесь. Хорошо поохотился, черти полосатые!

И Ле Маю радостно бросился в сторону Лувра. По дороге бандит размышлял, что ему теперь делать: «Кому рассказать – госпоже д'Этамп? Королю? Которого хозяина выбрать?»

Дойдя до Лувра, Ле Маю решил рассказать все королю. Кроме всего остального, можно было воспользоваться моментом хорошего настроения от доброй новости и что-нибудь выпросить.

Ле Маю был младшим офицером. Он сам с собой обсудил, чего просить: денег или повышение в чине. Выбрал деньги.

Мы уже могли видеть, что Ле Маю был человек очень практичный.

Войдя в Лувр, он застал там непонятную суету. Несколько рот аркебузирова строились во дворе, освещенном ручными фонарями лакеев. В конюшнях седлали лошадей.

Многие придворные уже сидели верхом в военной форме, то есть в кирасах и при пала-шах, колотившихся о бока лошадей.

Великий прево неподвижно стоял один и, ни слова ни говоря, наблюдал за всеми при-готовлениями.

Ле Маю живо прошел к королевским покоем.

– Я хочу говорить с государем, – сказал он Бассиньяку.

– Как это? Не испросив аудиенции?

– У меня важное известие для короля.

– Скажите мне, я передам государю.

– Нет, – возразил Ле Маю. – Тогда не скажу.

Он повернулся и ушел.

Он думал, что наверняка ему представится случай поговорить с королем, когда тот будет садиться на коня для похода на Двор чудес...

– Передать ему эту весть! – бурчал он. – Да я лучше руку дам себе отсечь! Я работал, а Бассиньяку все достанется? Я ведь знаю короля. Когда он все узнает, тут же кинет золотую цепь тому, кто под руку подвернется, а там о нем и забудет!

Около одиннадцати во дворе Лувра все зашевелилось.

Аркебузиры тихо выступали.

Офицеры по очереди подходили к Монклару за указаниями, а тот, склонившись на шею своего коня, каждому давал точные инструкции.

Вдруг появился король в окружении дюжины фаворитов и вскочил в седло.

Великий прево встал рядом.

– Когда вам будет угодно, сударь, – сказал король.

– Мы готовы, государь.

Король махнул рукой и пустился в путь, разговаривая с Ла Шатеньере.

Ле Маю вскочил на своего коня и шагом поехал вслед за знатными господами.

Но как только выехали за ворота Лувра, Ле Маю пустил коня рысью, догнал короля и остановился рядом.

– Что хочет этот человек? – спросил Франциск.

– Государь, – ответил Ле Маю, – я принес Вашему Величеству вести из усадьбы Тюильри.

Король вздрогнул от изумления. Он махнул рукой, и сопровождавшие его отстали на несколько шагов.

– Подъезжай сюда, – сказал Франциск.

Ле Маю подъехал ближе.

– Говори, – отрывисто приказал король.

– Государь, – сказал Ле Маю, – я знаю, где теперь герцогиня де Фонтенбло.

– Кто ты такой? – побледнев, спросил Франциск.

– Просто бедный солдат с самого низа служебной лестницы, государь!

И Ле Маю беззастенчиво добавил:

– Но, надеюсь, Ваше Величество изволит не оставить бедняка за его преданность...

Король с отвращением поглядел на человека, который так грубо домогался от него награды.

– Что же ты сделал? – спросил он.

– Вот что: все ушли из усадьбы Тюильри, а я сообразил остаться.

– Так-так... И ты что-то увидел?

– Я видел, как из этого домика вышло пять человек: три женщины и двое мужчин. Одна из женщин была переодета в военное платье. Из всех трех я знаю только одну. А мужчин не знаю ни того, ни другого.

– А кого же ты знаешь?

– Поскольку я имел честь стоять на посту у дверей большой парадной залы, то и знаю одну из этих дам: госпожу герцогиню де Фонтенбло.

– Ты уверен?

– Так же, как и в том, что имею несравненную милость сейчас разговаривать с Вашим Величеством. И эта милость скрасит мою скромную жизнь, даже если Вашему Величеству будет благоугодно забыть...

– Хорошо, я не забуду. Продолжай.

– Итак, государь, когда они вышли из домика в Тюильри, я опять сообразил: надо бы за ними пойти. И если Вашему Величеству вдруг угодно повидать госпожу герцогиню, я могу проводить. Это отсюда полчаса.

Король повернулся в седле.

– Ла Шатеньере, – сказал он, – позови господина де Монклара.

– Я здесь, государь, – отозвался великий прево. Он ехал парой рядов дальше.

– Монклар, – сказал Франциск I, – завтра выпишете чек на тысячу шестиливровых экю из моего казначейства на имя...

Он бесцеремонно, как любил иногда, посмотрел на Ле Маю.

– Алэ Ле Маю, офицер аркебузирв Его Величества, – назвался Ле Маю.

Монклар равнодушно посмотрел на него.

– Ты доволен? – спросил король.

– Милость Вашего Величества выше меры, – ответил бандит.

Шесть тысяч ливров и в самом деле для него были невероятным богатством. Но по тому, как оценил король новую весть, Ле Маю понял, какова ее настоящая цена, и твердо решил на этом не останавливаться.

– Монклар, – сказал король, – выделите мне свиту из двух десятков человек и поезжайте во Двор чудес без меня.

Великий прево поклонился и отъехал.

Пару минут спустя два десятка всадников построились позади короля. Тот подал знак троим приближенным следовать за ним, пустился рысью и приказал Ле Маю:

– Ступай впереди!

Через двадцать минут быстрой езды Ле Маю привел отряд к дому.

III. Джипси

Великий прево тем временем возглавлял колонну, которая шла на Двор чудес.

План штурма он составил давно.

Вот этот план – очень простой.

Трико подаст знак, что во Дворе чудес все спокойно и можно начинать. На каждой из трех улиц, которые вели в королевство Арго, следует устроить засаду – замаскированный пост из трехсот человек.

Когда сигнал будет подан, Монклар бесшумно проникнет во Двор чудес и займет его центр, построив в каре пятьдесят аркебузирова. Сразу после этого солдаты с факелами зайдут в дома и подожгут их. Жители в панике выскочат из домов.

Аркебузиры в каре начнут палить во все стороны, воры толпой кинутся в переулки. На площади все выгорит.

А на другой день начнется колоссальный процесс, который отправит на виселицу всех, кто спасется от огня и пуль.

Справедливости ради скажем, что этот план в огромной степени родился в воображении господина Лойолы, а оно у монаха было на редкость плодовито, если речь шла о поджогах и убийствах (ради спасения душ, само собой).

По дороге Монклар размышлял. Он думал о Манфреде и Лантене.

Сказать, что великий прево дошел до ненависти к этим людям, которых вовсе не знал, было бы, наверное, слишком. Сердце Монклара знало лишь одну страсть – горестные воспоминания о былом. Думы его были обращены к таинственному прошлому, которое всю его жизнь окутало саваном.

Нет, в Монкларе не было ненависти к двум юношам, которых он звал главарями бандитов, но делом чести для него было повесить их как можно скорей.

В сердце Монклара жила одна только скорбь, в уме – одна только мысль. Мысль эта – безусловное почитание верховной власти. Бог и наместники его на Земле должны повелевать как непререкаемые владыки. Бог – это Бог, а наместники его – такие люди, как Лойола, и такие государи, как Франциск I.

Напасть на Лойолу – значит напасть на Бога. Оскорбить короля – значит оскорбить Бога.

Но Манфред оскорбил короля. А Лантене напал на Лойолу.

Монклар даже не ставил в счет дерзость Манфреда, который вскочил на круп его лошади и угрожал ему, чтобы дать Лантене убежать. Тогда лишь он сам был в опасности, а это пустяк.

Но встать наперекор королю и Лойоле – это Монклар считал чудовищным преступлением, которому не было оправдания.

Долгими вечерами, размышляя в углу у большого камина, Монклар вызывал перед собой призрак женщины, которую он утратил, обожаемого младенца, утраченного с нею вместе. И в эти страшные минуты Монклар разговаривал с Богом.

Он взывал к Всемогущему, имеющему власть творить чудеса и воскрешать мертвых.

А сам великий прево вменял себе в долг принуждать к почитанию Бога и наместников его.

«Но за это, Господи, отдай мне жену, отдай сына, а если слуга твой недостоин такого чуда, дай хотя бы немного мира мучимой скорбями душе его...»

Вот какой вопль непрестанно исходил из глубин его сердца.

Понимаете ли теперь, какая холодная решимость двигала им при исполнении его страшных обязанностей? Понимаете ли, с какой неумолимой волей решил он захватить Ман-

фреда и Лантене? О, прежде всего Лантене: тот не просто оскорбил королевское величество, но еще и поднял руку на святого человека!

Казнь этих двоих принесет наконец – он не сомневался в том – дарованный мир его сердцу.

Манфреда довольно будет повесить. Возможно, придется вздернуть его и на дыбу, и все.

Лантене уготован не менее, чем костер. Ведь огонь очищает: это Лойола прямо говорил.

Пока Монклар размышлял таким образом, уже воображая себе, как высоко взметнулось в небо ясное пламя костра при уstraшенной толпе, окружающей место казни, капитаны рот заняли позиции в переулках Спасителя, Монторгёй и Калек. Действие совершилось в полной тишине.

Великий прево явился на поле боя и думал теперь лишь о грядущей победе короля и об истреблении воров.

Он обошел все три переулка, убедился, что приказы поняты верно, и занял сам позицию в переулке Спасителя.

По сигналу Трико – три аркебузных выстрела ровно в полночь – все три отряда вместе должны войти во Двор чудес, и тотчас начнется описанная нами операция. А пока оставалось только дожидаться.

Тяжко пробил двенадцать ударов колокол Сент-Эташ...

Еще несколько минут...

И вот в тишине прогремел аркебузный выстрел.

Второй... третий... Монклар убедился: все верно.

– Вперед! – приказал он капитану той роты, что находилась при нем.

И грозная сила аркебузирова пошла вперед.

Уверен, что баррикаду защищает лишь горстка людей, да и те заодно с Трико, Монклар спокойно встал посреди улицы и смотрел, как идут солдаты.

Аркебузиры подошли к заграждению на десяток шагов.

И вдруг какой-то суровый голос отдал односложный приказ.

Баррикада воспламенилась, будто кратер, внезапно извергший потоки лавы; прогремел мощный залп, от которого содрогнулись все ветхие стены на улице, вдребезги разлетелись стекла запертых окон.

Трудно описать изумление и испуг роты аркебузирова. Четыре с лишним десятка убитых и раненых посреди проклятий и воплей повалились на землю. В числе убитых был капитан, который шел впереди.

Оставшиеся в живых в беспорядке попятнулись, цепляясь друг за друга оружием, спотыкаясь друг о друга и падая.

Монклар на миг застыл от удивления, и тут послышались еще два глухих взрыва: это в переулках Калек и Монторгёй вора дали такие же залпы.

Великий прево поспешно подозвал нескольких вельмож, приехавших потехи ради полюбоваться на резню во Дворе чудес. Вместе они перегородили улицу и остановили бегущих.

– Вперед, вперед! – рявкнул Монклар. – Если не возьмете баррикаду на приступ, вас всех в этой кишке перебьют!

Только таким резоном он и мог ободрить аркебузирова.

Они опять пошли на баррикаду, но не сомкнутым строем, как в прошлый раз, а врассыпную, прижимаясь к стенам.

Аркебузиры бегом бросились на приступ. Их было сотни четыре.

Опять грянул залп; опять люди повалились на землю, чтобы уже никогда не встать.

– Вперед! – вопил Монклар.

Через несколько секунд аркебузиры с громким воплем ворвались на баррикаду.

Но на ней тотчас появились некие демоны, вооруженные пиками, алебардами, обломками шпаг, старыми палашами, даже острыми прутьями и всяческими диковинными ножами.

Стоны, яростные крики, ругань на всех языках, пистолетные и аркебузные выстрелы – минут двадцать только это и слышалось.

Королевские солдаты меж тем потихоньку отступали.

Монклар стоял посреди вельмож, не вынимая шпагу из ножен, а те, кто его окружал, отчаянно фехтовали.

И вот великий прево оказался в одном шаге от воря, которое так и хлынуло на него.

Достойное поведение Монклара, его команды понемногу вернули хладнокровие и солдатам; они из последних сил поднажали, и воры отступили в свой черед.

Но дальше, как смерч, явился еще отряд из глубины Двора чудес. Эти наступали сомкнутым строем, в крепких панцирях, вооруженные, потрясая палашами и пистолетами.

Через несколько секунд улица осталась пуста.

Монклар, побелевший с лица и гневный сердцем, оставался одним из последних, но и он уже изготавился к бегству.

В этот миг кто-то схватил его коня за повод и произнес:

– Вы попались, сударь, сдавайтесь!

Толпа воров окружила Монклара. Вдали слышался топот бегущих солдат.

Он поднял глаза к небу, словно отыскивая там Бога, к которому он взывал, потом перевел взгляд на человека, что во главе отряда воров обратил в бегство людей короля, на того, кто взял его в плен.

И узнал Лантене!

* * *

Воры справляли победу страшными воплями. Разожгли большие костры.

У костров расселись раненые; неугомонные потаскухи уже перевязывали их и натирали мазями.

За столами начался разгул. По площади расставили бочки с вином, которые стремительно пустели. Каждый вокруг стола рассказывал, как стрелял и колол, сколько черепов продырявил...

* * *

В переулке Монторгей, в переулке Калек дела шли почти точно так же, как и в переулке Спасителя.

Теперь, конечно, долго еще никто даже не помыслит напасть на Двор чудес! Воры наперебой делились мыслями, сколько добра принесет им неожиданная победа, одержанная, конечно, потому, что разоблачили Трико.

Рагастен не обнажал шпагу.

Он только ни на шаг не отходил от Манфреда и каждый миг был готов защитить его сталью, столь грозной в его руках.

Когда во Двор чудес ввели великого прево, среди воров поднялся такой гвалт, что, казалось, сотряслись все здания в городе.

Бригадиры и казначеи тотчас окружили Монклара. Если бы не это, с великим прево немедля поступили бы так же, как с его клеветом Трико.

Но старшин здесь почитали.

Под их непрестанные окрики воры попятились, ворча, будто злые собаки, у которых из пасти вырвали кость.

Монклара заперли в кухне одного из домов на площади.

А старшины собрались на совет обсудить, что с ним делать.

* * *

Как только закончилось дело, Рагастен спросил Манфреда:

– А что, цыганка, про которую вы говорили... как ее...

– Джипси? – удивленно переспросил Манфред.

– Да. Вы сказали, я смогу ее повидать?

– Разумеется.

– Так я и хочу...

Удивляясь такой поспешности, юноша поклонился и сказал шевалье, что готов отвести его к старой цыганке.

– Что ж, я прошу вас, – произнес Рагастен с возбуждением, все более непонятным для Манфреда.

«Как? – думал он. – Шевалье знает старую колдунью, которая меня взрастила? А если не знает – что ему от нее нужно?»

Через несколько секунд они уже вошли в жилище Египтянки.

– Матушка, – сказал Манфред, – этот чужой человек желает вас видеть. Очень прошу вас, примите его добром, потому что я многим ему обязан.

– Добро пожаловать ему, сынок, – ответила цыганка.

Рагастен обратился к Манфреду:

– Дитя мое, не будете ли так добры оставить меня с ней наедине? Простите меня...

– Шевалье, – ответил Манфред, – вы мне так приятны и я так вам признателен, что желанья ваши – для меня закон.

С этими словами он изящно поклонился, и Рагастен посмотрел ему вслед, любясь его стройным станом, благовоспитанной речью, умом, светившимся в его глазах...

Когда Манфред уже минуту с лишним как скрылся из виду, шевалье глубоко вздохнул и обратился к Джипси. Та смотрела на него с тем равнодушным любопытством, с которым всегда смотрят на человека в первый раз.

– Я желал бы, – сказал Рагастен, и голос его слегка задрожал, – спросить вас кое о чем. Но прошу вас мне отвечать по всей правде, со всей откровенностью. Если вы бедны, я вас озолочу...

– Спрашивайте, господин мой, – ответила она, и в ее голосе не прозвучало ни волнения, ни подозрения. – Как смогу, так попробую отвечать.

– Этот молодой человек, что сейчас здесь был...

– Манфред?

– Да... Манфред... Вы не скажете мне, откуда он родом?

– Из Италии, – просто сказала старуха.

Рагастен почувствовал, как заколотилось сердце в его груди.

«Сомнений больше нет! – думал он. – Это мой сын! Мой сын! О, как обрадуется Беатриче!»

Вслух же он продолжал:

– Где вы его нашли? В Италии – но в какой местности?

– Нашла, господин мой?

– Да, нашли... подобрали... что-то такое?

– Не понимаю, – ответила Джипси с самым простодушным видом. – Манфред не найденыш.

– Я как-то не так говорю... Мне хотелось бы знать: кто отдал вам этого младенца?

– Никто!

Рагастен попытался проникнуть в мысли цыганки, но на ее лице ничто не отражалось. Шевалье сказал:

– Повторяю вам, я вас озолочу. Просите меня о чем вам угодно – я на все согласен.

– Благодарю, господин мой! – горячо ответила цыганка. – Немножко денежек в моем бедном доме, верно, не будут лишними. Хотите, я вам погадаю?

– Нет, я хочу, чтобы вы мне просто ответили: Манфреда ведь украли ребенком? О, я не хочу знать, кто украл!

– Вы ошибаетесь, господин мой...

– Но кто же его отец? Вы его знаете?

– Ох, мне ли его не знать! – воскликнула цыганка, великолепно разыгрывая печаль. – Его отец – благородный синьор из Неаполя...

– Из Неаполя! – с содроганием воскликнул Рагастен.

– Да, из Неаполя... Я была молода... хороша собой... понравилась ему... я его любила... От той мимолетной любви и родился мой Манфред.

Рагастен рухнул в кресло. Слишком жестоко было разочарование.

– Так значит, – сказал он с запинкой, – Манфред – ваш родной сын?

– Ну да, господин мой, сын... Я и Манфредом его назвала в память отца, которого он не знал...

– Но этот юноша, – живо проговорил Рагастен, цепляясь за последнюю надежду, – говорил мне, что вы не мать ему!

– Так и я ему говорила... бедняжке! Он такой умница, так не похож на тех, что вокруг – вот и решил, что от знатных родителей. Если б он убедился, что он сын простой цыганки, сердце его разбилось бы. Только мать, господин мой, и пойдет на такую жертву!

Джипси смахнула с глаз пару слезинок.

– Вот Лантене, – сказала она внезапно, – тот другое дело. Тот мне не сын, хотя тоже зовет меня матушкой. Он и впрямь найденыш. Отец его парижанин... теперь уже умер...

Рагастен только рукой махнул: он уже знал, что хотел.

Он встал, пошарил в кошельке и подал цыганке пригоршню золотых монет. Та приняла, рассыпаясь в благодарностях.

Оставим теперь Рагастена, который в глубоких раздумьях шагал теперь ко Двору чудес, чтобы встретиться с Манфредом и поговорить. Об их разговоре мы еще расскажем.

Цыганка же, когда шевалье от нее ушел, села за стол и тоже задумалась.

– Могла бы я, – шептала она про себя, – и правду сказать сеньору де Рагастену. Многих бы тогда осчастливила. А мне тогда что было бы с их счастья? Вот скажи я, положим, шевалье: «Верно, Манфред – ваш сын. Я украла его, чтоб угодить синьоре Лукреции Борджиа». Сказала бы – и что бы из того вышло? Манфред вскоре ушел бы отсюда вместе с отцом. Ну и кто мне скажет наверняка, что он и Лантене не захотел бы с собой увести? Да и в самом деле не увел бы? Да какое мне дело до чужого счастья и несчастья? О моем-то счастье разве хоть раз кто позаботился? Подумал разве кто-то, какие слезы я лью с тех пор, как на моих глазах повесили моего сына?

Она крепко обхватила голову руками. При мысли о сыне она вся так и задрожала.

– Увести Лантене! – прошептала она сквозь зубы. – Да что со мной будет, если не останется при мне сын Монклара, чтоб отомстить ему!

Она встала и подошла к окну, выходившему на Двор чудес.

Посреди площади у большого костра она увидела собрание старшин и среди них Лантене.

Манфред же стоял в сторонке с Рагастеном.

Увидав Лантене, Джипси содрогнулась, и в глазах ее сверкнул огонь дикой ненависти.

Но не Лантене она ненавидела. Ее свирепая ненависть была обращена на отца Лантене – великого прево Парижа графа де Монклара.

Покуда шел бой, Джипси стояла у раскрытого окна и слушала звуки, доносившиеся из темноты. В исходе боя она не сомневалась. Королевское войско побьют, а с ним и Монклара. Это было глубокое ее убеждение; в это она веровала.

Монклар непременно должен быть побежден, чтобы ярость его возросла! Непременно великий прево должен был дойти до ненависти к собственному сыну!

Когда все закончилось, когда она узнала, что королевские солдаты отбиты со всех трех сторон, спокойно закрыла окно и сказала:

– Я знала, что так все и будет!

Теперь она с любопытством наблюдала за собранием старшин и находила странным, что совет длится так долго.

– Неужто еще не кончено? – прошептала она.

Она вышла на улицу и подошла к костру, где под открытым небом, согласно обычаям и привычкам Двора чудес, проходил совет.

Говорил как раз Лантене. Говорил он вот что:

– Если мы, по вашему суждению, предадим его смерти, нам грозят самые страшные беды. Послушайте меня, не делайте так, воспользуйтесь случаем, чтобы утвердить свои вольности. Возьмите с него официально подтвержденное обещание ничего против нас не затевать и отпустите. Или вы думаете, что король оставит его смерть безнаказанной? Завтра же будет новая битва и, возможно, случай тогда обернется не в нашу пользу. А если вы отошлете его живым, не сделав никакого зла, то король не только два раза подумает прежде, чем снова напасть на людей, которые так хорошо защищаются, а еще и зауважает вас за великодушие, да и пленник будет вам признателен.

Джипси насторожилась: о ком он говорит?

Она тронула за локоть бригадира, стоявшего рядом:

– Брат, о каком пленнике они говорят?

– А ты разве не знаешь, старуха Джипси?

– Я одно знаю: моих деточек в этом бою не ранило, не убило – того мне и довольно.

– Знаем, знаем, как ты любишь наших братьев Манфреда и Лантене. Да они того и стоят. Благодаря им сегодня и бежали солдаты! А Лантене особенно отличился.

– Ну да?

– Вот так. Он и пленника взял.

– Так что за пленник?

– Сам великий прево.

– Граф де Монклар? – только и смогла выговорить старуха.

– Теперь решаем, как с ним быть.

– А куда его посадили?

– А вон туда! – указал вор на одну из лачуг.

– А он никак не убежит?

Вор расхохотался:

– Сидит в подвале связанный, веревки крепкие, а дверь заперта на два оборота.

– Такого пленника так и надо стеречь, – заметила Джипси.

И тихонько отошла.

Монклар попал в плен, а взял его Лантене!

Она пошла прямо к указанной лачуге.

У дверей стоял на часах Кокардэр.

– Тебя Лантене зовет, – сказала старуха. – Я за тебя тут постою.

– Ладно, – сказал Кокардэр. – Держи ключ!

– Только дождись, когда совет кончится. Раньше он велел ему не мешать.

– Ясно, ясно...

Кокардэр ушел, посвистывая.

Джипси бросилась к себе домой. Через полминуты она вышла назад со свертком под мышкой и фонариком в руках.

Отперла подвал, вошла и заперла изнутри.

Погребов под лестницей было два.

Во втором из них она увидела Монклара: тот лежал на земле крепко связанный, с кляпом во рту. Цыганка разом вынула кляп и развязала пленного.

– Узнали меня, господин великий прево? – спросила Джипси.

– Узнал! Чего тебе надо? – ответил он в убежденье, что за ней идет толпа воров и сейчас она будет над ним глумиться.

– Это Лантене взял вас в плен?

– Да!

– Сейчас идет совет старшин – решает, как с вами быть.

Монктлар пожал плечами и надменно улыбнулся.

– Все согласны отпустить вас живого и невредимого. Один лишь человек – один, слышите? – того мнения, что вас надобно казнить. К несчастью, его голос один перевесит всех остальных. Его послушают.

– Вот как? Кто же этот безжалостный?

– Лантене.

– Так я и думал. Ну что ж, пусть не медлят!

– Я вас спасу.

– Зачем же ты спасешь меня?

– Некогда сейчас объяснять, после узнаете. Только об одном прошу: не забывайте, что Лантене хотел вас повесить, а я вас спасла!

– Не беспокойся: не забуду ни того, ни другого.

Тем временем старуха развязала сверток. В нем были широкий плащ и шляпа.

– Только шпагу оставьте, – сказала она. – Шпага вас выдаст.

Монктлар послушался, надел шляпу и завернулся в плащ.

– Пойдемте, – сказала Джипси, когда все было готово.

Они поднялись по лестнице.

Цыганка заперла дверь на два оборота, положила ключ в карман и вышла в переулок Спасителя.

В конце переулочка она остановилась и сказала:

– Ступайте, монсеньор.

– А ты?

– А что я? Вернусь домой да и всё.

– Они же узнают, что ты меня выпустила!

– Может, узнают.

– Тогда тебя убьют. Пошли со мной – я сделаю так, чтобы ты жила лучше, чем раньше.

– Мне уже лучше не жить, – возразила она.

– У тебя так много горя в жизни?

– Больше и быть не может у человека.

– Чудная ты! – прошептал великий прево. – Не ты ли говорила со мной как-то раз, когда я ехал верхом близ улицы Сен-Дени?

– Верно, монсеньор, я.

– Ты мне тогда сказала, что Лантене тебе надобен.

– Сказала. Он мне и теперь надобен.

– А ты меня спасаешь – стало быть, знаешь, как я поступлю.

– Нет, монсеньор, не знаю.

– Ведь когда-нибудь все-таки Лантене попадет ко мне в руки.

– Может быть, монсеньор. Ну и что?

– Как «что»? Я велю его колесовать заживо. Он-то меня не пощадил бы – ты сама мне сейчас сказала.

– Сказала, монсеньор, потому что правда.

– Так Лантене тебе надобен, а ты отпускаешь человека, который его колесует?

– Что ж, монсеньор, по-разному в людях нуждаются, разве не так?

Великий прево немного помолчал.

– А что случилось с Трико? – спросил он.

– Нет его больше. Наши люди его убили, потому что он был предателем.

– А кто же им это сказал?

– Лантене.

– Ты не лжешь?

Цыганка насторожилась. Неужели Монклар ее раскусил?

– Зачем мне лгать? – ответила она, как всегда, спокойно.

– Откуда я знаю? Может, у тебя злоба на этого Лантене.

– Нет у меня на него злобы. Он мне никто. А и была бы злоба, я бы до лжи не унизилась.

Если я хочу с кем расправиться, расправляюсь сама. И тогда я, монсеньор, быю наверняка, могу поклясться.

– Это так! – сказал Монклар, содрогнувшись.

Он еще немного помолчал и продолжил:

– Чего ты хочешь за мое освобождение?

– Ничего мне не нужно, монсеньор. Я вас только потому отпустила, что у всех у нас были бы большие неприятности, если бы наши люди вас убили.

– Что ж! Тогда прощай.

– До свидания, монсеньор.

Она еще с минуту смотрела ему вслед. Великий прево шел таким спокойным шагом, как будто минуту назад ему не грозила страшная опасность.

Затем старая цыганка вернулась во Двор чудес. Она подошла к костру и спокойно вступила в круг воров, обсуждавших участь Монклара. Джипси окружало некое суеверное почтение.

Полагали, что она водится с какими-то бесами, а кроме того, известно было: она, как в открытой книге, читает по звездам, «что времена во тьме скрывают под покровом», говоря пышным слогом Лафонтена. Не один вор, готовый без страха встретить виселицу, взойти, если надо, на эшафот с бравой усмешкой на устах, столкнувшись глухой ночью с Джипси, вздрагивал и хватался за какой-нибудь амулет против злой доли.

Поэтому когда она вступила в круг старшин и подняла тощие руки, призывая к молчанию, все тотчас и замолчали.

– Вы, братья, – сказала Джипси, – сейчас советуетесь насчет великого прево...

– Верно! Подай и ты свой голос!

– Мой голос теперь ни к чему. И все ваши голоса ни к чему. Нет больше великого прево во Дворе чудес. Он бежал.

Раздался страшный вопль ярости и гнева. Несколько воров кинулось к подвалу, где держали Монклара. Через минуту они вернулись и сообщили, что Джипси сказала правду.

– Не ломайте голову, как это случилось, – сказала цыганка. – Это я отворила дверь и вывела его из королевства Египетского.

Измученный крик встретил эти слова. Джипси поспешно продолжала:

– Я отпустила его и всех нас спасла. Духи открыли мне, что если великий прево погибнет, нас перебьют. Но если я неправа – накажите меня как знаете. И если наказанием будет смерть – умру, зная, что спасла братьев.

Никто не подал голоса за наказание цыганки. Она спокойно ушла домой.

Но по дороге ее догнал запыхавшийся Лантене.

– Зачем вы спасли этого человека? – спросил он.

– Ты же сам только что на совете разве не говорил, что Монклара надобно отпустить? Я думала, что порадуешь тебя.

– Порадуете... Что ж, матушка Джипси, простите, что я так осердился.

– Или я правда что-то не так сделала? – спросила она. И голос ее был как-то особенно ласков...

– Разве не понимаете, – тихо произнес Лантене, – разве не понимаете: я потому просил за этого человека, что его свободой и жизнью хотел выкупить жизнь и свободу другого?

– Вот беда! А мне и в голову не пришло!

– Оставим это... Уже случилась эта беда... Но по правде, если бы кто другой это сделал, не вы – не знаю, стало бы у меня довольно духа тут же его не убить?

Тем страшней были гнев и отчаянье Лантене, что он старался говорить тихо, чтобы не перепугать старуху.

Он рубанул рукой воздух и кинулся прочь, воскликнув:

– Должно быть, я и впрямь проклят!

Джипси не тронулась с места.

– Должно быть? – пробурчала она сквозь зубы. – А кто тебе сказал, что и впрямь не так?

* * *

Отчаянье Лантене не имело границ.

С тех пор как провалилась его безрассудная попытка освободить из Консьержери Этьена Доле, он с нетерпением только и ждал штурма Двора чудес.

Он был убежден, что великий прево лично возглавит эту операцию.

План его был прост: взять в плен Монклара. А когда великий прево будет в плену, не сомневался Лантене, у него можно будет добиться свободы Доле.

Как мы видели, этот план прекрасно удался в первой части, которую Лантене основательно считал самой трудной. А потом мы видели, как из-за Египтянки сорвалась вторая часть плана.

IV. Беатриче

Покуда во Дворе чудес совершались все эти события, король и его свита, ведомые Алэ Ле Маю, прискакали к дому на улице Сен-Дени, куда Мадлен Феррон провела шевалье де Рагастена.

Король сошел с коня.

Двадцать всадников, ехавших с ним, поступили так же, и командир их тотчас исполнил распоряжения, отданные Франциском. Затем король молча позвал за собой Ла Шатеньере, д'Эссе и Сансака.

– Сударь, – сказал он офицеру, – если я кликну вас – врывайтесь в дом и, не задумываясь, убивайте всех, кто встанет на пути: и мужчин, и женщин!

Офицер поклонился, давая понять, что приказ понял и готов исполнить его, ни на что и ни на кого невзирая. Затем король подошел к двери. Она была заперта.

– Открывайте дверь, – сказал король офицеру, – только без шума.

Один из солдат по знаку офицера подошел, засунул острие кинжала в замочную скважину, и через десять минут безмолвной работы дверь отворилась.

Франциск I вошел в дом, за ним три его спутника. Внутри была еще одна дверь. Ее открыли тем же способом.

Но молчанье, царившее в доме, лишь сильнее беспокоило короля.

Отчего, в самом деле, там было так темно и тихо?

Когда он поднялся по лестнице до середины, тьма вдруг рассеялась. Король быстро схватился за шпагу и поднял голову: свет ведь шел оттуда, сверху. И он увидел женщину со светильником в руке, которая с печальным и суровым достоинством глядела на него. Франциск I тотчас же узнал ее.

– Мадам де Рагастен! – воскликнул он, снимая шляпу с учтивостью, которая редко ему изменяла.

Потом улыбнулся и, уже приняв решение, громко сказал:

– Знаете ли, сударыня, мы с вами недавно расстались не слишком любезно, так что я желал бы помириться с такой превосходной особой, как вы.

– Государь, – ответила Беатриче, – я повторю вам то, что сказала в усадьбе Тюильри: добро пожаловать.

Король беспокойно огляделся. Он был готов к сопротивлению, к укорам (он ведь попал в этот дом как один из воров, с которыми в этот час сражался великий прево), так что слова Беатриче заставили заподозрить ловушку.

Франциск I обладал храбростью, доходящей до необычайной степени.

«Может быть, меня сейчас зарежут, – подумал он. – Что ж! Лучше умереть, чем попасть в дураки». И он проворно взбежал на ступеньки, остававшиеся между ним и Беатриче.

– Буду ли я иметь удовольствие говорить с господином де Рагастеном? – спросил он с поклоном.

– Господин шевалье будет очень огорчен, что его не оказалось здесь, когда Ваше Величество нынче вторично его удостоили честью...

С этими словами Беатриче посторожилась и пропустила короля. Заметив его нерешительность, она все поняла и сказала:

– Ничего не бойтесь, государь, я в этом доме одна.

Король немного покраснел и вошел вместе со своими спутниками в прекрасную и просторную, но не вполне меблированную залу.

– Как, мадам! – воскликнул он. – Вы говорите, что здесь никого больше нет?

– Совершенно никого, государь.

– Но видели, как сюда вошло несколько человек...

– И еще с четверть часа тому назад они были здесь, государь. Теперь же, как мне ни жаль, я одна, как могу, стараюсь оказать королю надлежащие ему почести.

– Где же господин де Рагастен?

– Государь, – ответила Беатриче так спокойно, что король поневоле ею залюбовался и проникся к ней уважением, – я могла бы ответить на это, что вы – первый рыцарь Франции – сейчас допрашиваете женщину, которая приехала в эту страну, прославленную непритворным гостеприимством...

– Простите меня, сударыня, – смущенно сказал король. – Но речь идет об очень важных делах, уверяю вас. И, несмотря на мое огорчение, я задаю вам вопросы, как глава правосудия этой страны, а вас настоятельно прошу отвечать. Где господин де Рагастен?

– Поскольку вы говорите как власть имеющий, государь, я вынуждена отвечать. Господин де Рагастен пошел отвести в надежное место девушку, которая нам обоим очень дорога.

Франциск I взорвался:

– Куда же он лезет! Какой-то мелкий авантюрист, ни итальянец, ни француз, и смеет еще нас учить!

Беатриче побледнела.

– Государь, – произнесла она необычайно решительно, – шевалье де Рагастен никогда никому не позволял оскорблять себя безнаказанно. Мой же первейший долг – следить, чтобы его не могли оскорблять в его отсутствие. Но так как я женщина и не имею средств препятствовать четырем мужчинам быть наглецами – я удалюсь, чтобы не слышать дальнейшего.

– Не уходите, сударыня! – воскликнул король. – Вы сейчас произнесли очень дерзкие слова, но, как вы сами сказали, вы – женщина, и я не прибегну к мерам наказания, на которые имею право, – не дай того Бог. Не уходите, я буду выбирать слова и надеюсь на то же и от вас.

– Ваше Величество можете быть в этом уверены, – ответила на это Беатриче.

Король немного помолчал.

– Сударыня, – сказал он, – сейчас в усадьбе Тюильри я сказал вам ясно, что Жилет – моя дочь. Вы мне верите?

– Охотно верю, Ваше Величество, тем более что Жилет сама рассказала нам всю свою историю.

– Итак, шевалье де Рагастен знает, что она моя дочь, что я ищу ее – и увозит ее, похищает, прячет! Не ссылаясь уже на другие свои права, скажу вам, сударыня: я не так поступил с шевалье, когда он приходил ко мне с просьбой помочь найти его сына... вашего сына, сударыня!

– Государь, шевалье говорил мне о благосклонном приеме, который вы благоволили ему оказать, и я всячески уверяю Ваше Величество в его и моей признательности.

– Не сомневаюсь, сударыня, но странным образом поступает шевалье в доказательство этой признательности!

– Господин де Рагастен только сейчас спрашивал Жилет, хочет ли она, чтобы ее отправили в Лувр. Если бы она сказала «да», государь, шевалье был бы готов доставить вам ваше дитя.

– А она что сказала? – поспешно спросил король?

– Что лучше ей умереть...

Франциск I повесил голову.

– Неужели она меня так ненавидит! – прошептал он.

Но тут же гнев опять овладел им.

– Пусть так, – сказал он. – Господин де Рагастен куда-то отвел мою дочь. Но я желаю знать, куда он ее отвел.

– Не знаю, государь.

– Нет, знаете, сударыня! Вернее, вот что: поведение ваше, ваш голос, смущенный ваш взгляд – все мне говорит, что вы со мною лукавите. Итак, я желаю, чтобы вы мне сказали все в точности, или...

– Что «или», государь?

– Или я накажу вас одну. Стало быть, вы утверждаете, что шевалье здесь нет?

– Да, государь.

– И Жилету он увел?

– Да, государь!

– Превосходно. Он лишил меня дочери – я его лишаю жены. Извольте собраться и следовать за нами, сударыня.

– Как, государь, вы смеете...

– Я все смею! – злобно сказал король. Я вас арестую, сударыня. Когда шевалье де Рагастен вернет мне дочь, я верну вам свободу – в этом клянусь, но клянусь и в том, что шевалье не увидит вас, покуда я не увижу Жилет.

– Государь, вы недостойно злоупотребляете силой!

– Нет, сударыня, я очень милосерден.

– Государь, я уступлю только силе, и мы посмотрим, могут ли во Франции четыре дворянина поднять руку на женщину.

– Ничего, смогут! – воскликнул король в припадке ярости.

Он махнул рукой своим дворянам, и те без колебаний набросились на Беатриче. Она закричала.

В этот миг дверь отворилась и появилась Жилет. Вся белая, словно лилия, но твердым шагом девушка направилась к ошеломленному королю.

– Государь, – сказала она, – я готова следовать за вами.

– Бедное дитя! – воскликнула Беатриче.

– Увы, сударыня! Я обречена... И тем больше мое несчастье, что я могла бы стать причиной вашего. Государь, – обратилась Жилет к нему, – в первый раз я явилась к вам, чтобы спасти человека, который доверился мне. Смею думать, что на сей раз за моим появлением в Лувре не последует вскоре арест шевалье де Рагастена, как тогда – арест Этьена Доле.

– Дитя мое, – ответил король, волнуемый множеством чувств, – арест Доле – дело политическое. Что же до шевалье, клянусь вам: его никто не тронет.

– Прощайте, сударыня, прощайте, милая благодетельница! – воскликнула Жилет, бросаясь в объятия Беатриче.

– Государь, – сказала жена шевалье, – то, что вы нынче сделали, отвратительно. Берегитесь, как бы вам не заплатить за это дурное дело каким-нибудь большим несчастьем!

Король содрогнулся, но ничего не сказал, а только холодно поклонился и затем обратился к Жилет:

– Дитя мое, у вас против меня несправедливое предубеждение. Пройдет немного дней, и, надеюсь, я рассею их своей к вам любовью. Ла Шатеньере, подайте руку герцогине де Фонтенбло.

Ла Шатеньере поспешно повиновался и схватил Жилет под руку. Та безропотно повиновалась.

Король еще раз с суровым видом поклонился Беатриче.

– Сударыня, – сказал он, – я обещал этой девушке не трогать господина де Рагастена и сдержу слово. Но послушайте меня: посоветуйте ему поскорей возвратиться в Италию.

И он вышел, твердя про себя:

– Больше уж ее у меня не украдут!

V. Господин Флёраль

Шевалье де Рагастен вышел от Джипси и подошел к Манфреду. В схватке воров с королевским отрядом он с крайним интересом следил за юношей, и в нем лишь крепла приязнь, родившаяся под Монфоконской виселицей.

«Что же, что он мне не сын! – думал шевалье. – Если бы я имел-таки счастье найти своего потерянного ребенка, я бы хотел, чтоб он был точно таким же, как этот юноша...»

За разговором он все вглядывался в лицо молодого человека, освещенное отблесками костра, а в его голове бродила смутная мысль: не солгала ли ему цыганка?

Но с чего бы ей лгать?

Можно было придумать только одну причину: страх перед Лукрецией Борджиа либо желание заслужить ее милости. Но Лукреция Борджиа давно умерла, а Рагастен посулил цыганке кучу денег.

Значит, она не лгала.

Между тем в тонких чертах отважного лица юноши Рагастену то и дело чудилось сходство с горделивым, ясным профилем Беатриче. Но тут же он говорил себе: это кажется лишь потому, что его фантазия настроена искать сходство.

– Вы узнали то, что хотели, господин шевалье? – спросил Манфред.

– К несчастью, да! – со вздохом сказал Рагастен. – Но скажите: вы никогда не слыхали здесь про ребенка, которого украли цыгане и принесли во Двор чудес?

– Здесь, сударь, таких историй много. Да и сам я, вероятно, был украден... или потерян.

– Вот как? А у вас не сохранилось в памяти чего-либо из детства?

– Что-то очень смутное, мимолетные воспоминания; едва я пытаюсь составить из них определенную картину, как они уходят. Вот, например, я часто грежу об Италии. Бывают мгновенья, когда мне кажется, что я могу воскресить в уме родные места. Вижу высокие горы, великолепный сад, красивый дом... А потом, когда я хочу удержать эти призраки, – они рассеиваются, улетают...

Рагастен с необычайным возбуждением жадно слушал его.

– Так вы думаете, – спросил он, – что эта цыганка – не мать вам?

– Я ничего не думаю, сударь, а только что сомневаюсь. Никогда Джипси не вела себя со мной как родная мать. Вот Лантене – дело другое! Ею она любит горячо и глубоко... Но прошу вас, не надо говорить обо этом. Признаюсь, меня несколько огорчают воспоминания о прошлом, которое навсегда останется для меня закрытой книгой.

– Как знать? – прошептал Рагастен про себя, а вслух сказал: – Вы правы: тяжело вглядываться в прошлое молодому человеку, во всей силе и страсти цветущей весны! Вам улыбается будущее, вы отважны, рыцарственны, умны...

Манфред, не дослушав, покачал головой.

– Прошое мое темно, – сказал он, – а будущее еще мрачнее.

– Что за печальные мысли в ваши годы!

– Простите, сударь. Я и на вас нагоняю печаль, а должен был бы стараться быть вам приятным. Ведь вы оказали мне столько важных услуг подряд!

– Нет-нет, – поспешно перебил шевалье. – Я только хотел знать причину вашей печали.

– В самом деле хотели?

– Очень прошу вас, друг мой.

– Удивительно, господин шевалье, какую приязнь и доверие вы мне внушаете. Хотя я с вами едва знаком, но открывать вам душу мне так же утешительно, как Лантене – моему единственному другу.

– Так что же, – взволнованно произнес Рагастен, – говорите от всего сердца!

– Причина моей печали, сударь, очень проста: я всем сердцем люблю одну девушку. Быть может, я люблю ее уже давно, хотя сам себе лишь недавно признался в этом...

– Что ж такого? – улыбнулся шевалье. – Не вижу тут ничего ужасного.

– Сейчас вы поймете. Эта девушка – дочь французского короля.

– Ах, так! Понимаю: вы боитесь, что не сможете преодолеть пропасть, которая вас разделяет?

– Нет, не то. Пришлось бы рассказывать целую драму... Знайте только, что король преследует Жилет.

– Ее зовут Жилет?

– Да, а сама она еще красивей своего имени.

– Но как же король может преследовать собственную дочь?

– Он движим таким необычайным, низким, гадким, невероятным, противоестественным чувством, что и представить себе тяжело. Он любит ее – слышите ли, собственную дочь любит, как влюбленный!

– Ужасно! – сказал Рагастен, но без особого удивления: он уже расспросил Жилет и разобрался в том, как было дело.

– Правда, ужасно? – спросил Манфред.

– Теперь я понимаю ваше горе; вы, должно быть, не знаете, как вырвать свою любимую у отца-извращенца.

– К счастью, она уже не в его власти.

– Тогда что же мешает вам соединиться?

– В том-то моя и мука! Жилет исчезла из Лувра – кто-то ее таинственно похитил. С тех пор я ищу ее, но до сих пор, – в отчаянье закончил рассказ юноша, – все напрасно!

Рагастен с улыбкой посмотрел на него:

– А не хотите ли пойти ко мне домой?

– Почту за драгоценный долг проводить вас, господин шевалье.

– Вы не поняли. Я приглашаю вас к себе домой.

– Неужели? В такой час?

– При чем тут час? Я познакомлю вас кое с кем, кто, пожалуй, сможет кое-что рассказать о мадемуазель Жилет.

– Что вы говорите! – воскликнул Манфред, побледнев.

– Правду.

– Смотрите сударь, как бы не ввести меня в чересчур жестокое разочарование!

– Я, – серьезно сказал шевалье, – слишком хорошо знаю, что это такое. Не страшитесь. Пойдемте, думаю, что вы останетесь довольны.

– Я верю вам, сударь, верю! – взволнованно проговорил Манфред. – Но вас бы не удивило мое смятение, знай вы, какое отчаянье сменилось той радостью, что вы мне сейчас принесли. Но что же я! – спохватился он вдруг. – Непременно позвольте мне взять с собой еще одного человека.

– Вашего друга Лантене?

– Нет! Человека, которого я полюбил и стал почитать, человека, который вырастил Жилет и был ей вместо отца – господина Флёрриала.

– Как! – воскликнул Рагастен. – Господин Флёрриаль здесь?

– Так вы с ним знакомы? – удивленно спросил Манфред.

– Нет, не знаком, но много слышал о нем от той самой особы, которая расскажет вам про Жилет. Что же, друг мой, сходите за господином Флёрриалем, я не просто позволяю вам взять его с собой, его присутствие необходимо.

Манфред бросился прочь.

– Он мне не сын, – вздохнул Рагастен. – Но от того он не меньше заслужил счастье, которое обретет через несколько минут... Чем больше вижу и слышу этого юношу, тем больше я в нем нахожу высоких достоинств. Что ж, я не даром ездил сюда, если мог двух людей сделать счастливыми – не считая бедного Флёрιαля, которого и не чаял здесь найти.

Тут вернулся Манфред. С ним шел человек в черной одежде.

– Господин шевалье, – сказал Манфред, – это господин Флёрιαль. Как я вам говорил, я почитаю его за истинного отца Жилет, да и она сама тоже.

Рагастен протянул руку. Трибуле схватил ее и произнес:

– Неужели бывают большие вельможи, что заботятся о счастье простых людей, хотя так легко и приятно их мучить?

– Господин Флёрιαль, – ответил ему Рагастен, – я мог бы сказать вам, что я, пожалуй, не такой уж большой вельможа, как вы полагаете. Но я скажу просто, что сам прошел школу несчастий, привык уважать чужие скорби и смотреть на них с состраданием...

– Сударь, – взволнованно сказал Трибуле, – кто бы вы ни были, у вас большое сердце. Честное слово, позвольте мне смотреть вам прямо в лицо: это не часто бывает...

– Что ж, пошли! – улыбнулся Рагастен.

Все трое немедленно двинулись в путь, а за ними шел Спадакаппа.

– Так вы говорите, – спросил Трибуле, – что кто-то может мне рассказать, что с Жилет?

– Вы все увидите, – ответил Рагастен.

Дальше они шли молча и дошли до улицы Сен-Дени.

Ворота во двор были отперты. Рагастен побледнел и бросился к подъезду: он был тоже открыт!

– Боже! – воскликнул он. – Тут случилась какая-то беда! – Он кинулся на лестницу и с тревогой стал звать: – Беатриче! Беатриче!

– Я здесь! – откликнулась Беатриче.

Она появилась на лестничной площадке точно так же, как недавно перед королем. Рагастен с облегчением вздохнул.

Манфред и Трибуле, ничего не понимая, пошли вслед за ним. Все вместе вошли в ту залу, где побывал Франциск I.

– Дорогая моя, – сказал Рагастен, – познакомьтесь с господином Флёрιαлем и господином Манфредом.

Беатриче долго, внимательно посмотрела на юношу, потом перевела страстно вопрошающий взгляд на шевалье.

Рагастен печально покачал головой.

«Это наш сын?» – спрашивал материнский взгляд.

«Нет», – отвечал жест отца, и глаза Беатриче наполнились слезами.

Но собственное горе тотчас улеглось в этой великой душе, теперь она думала только о горе Манфреда и Трибуле.

Она поняла, зачем их привел Рагастен.

– Господа, – сказала она, – я вас уже знаю. Вы, господин Флёрιαль – самый лучший, самый заботливый из отцов... А о вас, господин Манфред, мне много рассказывали, почти что не зная вас...

– Сударыня... – невнятно выговорил Трибуле, оглядываясь, словно ожидая увидеть сейчас Жилет.

Что же до Манфреда – юноша, бестрепетно и беззаботно стоявший под дулами королевских аркебуз, трепетал и готов был лишиться чувств.

– Господа, – сказала Беатриче, – будьте отважны, будьте тверды, будьте, словом, мужчинами. У меня для вас печальная весть...

– Жилет?! – воскликнул Рагастен.

– Ее похитили.

– Жилет была здесь! – вскричал Трибуле.

– А вы разве не знали?

– Увы! – сказал Рагастен. – Я хотел устроить им сюрприз.

– Сударыня! Сударыня! – вскричал наконец и Манфред. – Заклинаю вас, расскажите! Может быть, мы еще успеем ее нагнать... Когда это случилось?

– Около половины двенадцатого – стало быть, часа два назад.

– Вот почему двери отперты! – воскликнул Рагастен. – Но кто же это? Кто здесь был?

– А кому здесь и быть, – возгласил Трибуле, и глаза его загорелись мрачным огнем, – как не тому бандиту, что рыщет за женщинами по ночам, как не тому подлецу, которого власть и высокий сан укрывают от мщения множества братьев, отцов, женихов! Кому, как не французскому королю!

– Да, это он и приходил сюда, – сказала Беатриче.

И в нескольких кратких словах, но ни единой подробности не забыв, она пересказала ту сцену, за которой мы наблюдали в предыдущей главе.

– Будем надеяться! – заключила рассказ Беатриче. – Король говорил, как настоящий отец. Может быть, нечего и опасаться.

– Нет, сударыня! – воскликнул Трибуле. – Вы не знаете его так, как я. Это лицемер, умеющий нацепить любую личину, жестокий еще более от того, что считает себя безнаказанным, упорный в каждой своей новой страсти. Он способен на самые страшные преступления. На самом деле он не уверен, что Жилет его дочь. Но и будь у него самые неопровержимые доказательства – он, по-моему, был бы способен переступить через них!

Манфред судорожно сжал кулаки.

Трибуле меж тем уже закутался в плащ.

– Простите меня, сударыня, что я так вдруг ухожу, – сказал он. – Я хотел бы узнать, где и как вы нашли мою деточку. Еще больше хотел бы дать вам понять, какая признательность переполняет мое сердце. Но с каждой секундой опасность становится все страшней.

– Куда ты так бежишь? – негромко спросил Манфред, впервые говоря «ты» человеку, которого называл отцом Жилет.

– В Лувр, сынок, – ответил Трибуле.

– Я с тобой. Вдвоем мы убьем тирана...

– Нет-нет-нет! – поспешно возразил Трибуле. – Тут нужна не сила, а хитрость. А хитрость – это уж мое оружие. Когда придет время, я позову на помощь тебя.

– Господин Флёраль прав, – сказал Рагастен и схватил юношу за руку.

– И я ничего не могу сделать! – простонал Манфред. – Хоть об стенку головой!

– До свиданья! – сказал Трибуле. – Этот дом будет нашим сборным местом. Манфред, – продолжал он, видя, что юноша все-таки хочет идти за ним, – тебе надобно оставаться тут. Если со мной что случится, а больше никого не будет – что станет с ней? Я ей отец, мое право пойти первым. Я велю тебе оставаться!

Трибуле бегом отправился в Лувр к одной дверце, выходящей на берег Сены. Добежав, он вдруг остановился. Перед той самой дверцей он разглядел дорожный экипаж. Вокруг него суетились какие-то тени.

Трибуле так и замер: появилась Жилет! Ее вела или, верней, волокла, какая-то женщина. Шут увидел, как они сели в экипаж, занавески которого тотчас же опустились.

Какой-то голос приказал:

– На Фонтенбло!

Трибуле узнал этот голос: то был король! Затем в дверном проеме шут и увидел его.

Кучер щелкнул кнутом, факелonosцы побежали впереди, лошади рванули в галоп, за ними поскакала охрана. Еще миг – и все они скрылись во мраке...

Трибуле увидел: король вошел опять в Лувр, дверь закрылась.

Все продолжалось несколько секунд.

Тогда Трибуле и сам побежал со всех ног. Когда он вернулся в дом на улице Сен-Дени, как раз пробило два.

Рагастен с Манфредом еще были в той зале, где он их оставил.

– Ее увезли в Фонтенбло! – крикнул им Трибуле.

– Так поехали в Фонтенбло! – отозвался Манфред.

– Поехали, – спокойно повторил за ним Рагастен.

– Как шевалье? Вы согласны...

– В Париже мне делать больше нечего, – сказал Рагастен. – Не скрою, что меня весьма волнует ваша судьба, да и ваша, господин Флёраль. К тому же поступок короля Франциска сильно меня возмутил. Наконец, я привязался к этой девушке. Более чем достаточно причин обнажить шпагу за честь мадемуазель Жилет!

– Мы спасены! – вскричал Манфред, схватив за руку Флёралья.

VI. Награда Алэ Ле Маю

Выйдя из дома на улице Сен-Дени, король направился прямо в Лувр. Желая оказать честь девушке, которую провожал, он шел пешком. Сопровождавшие его вельможи тоже все шли пешком, так что верхами ехали одни солдаты.

Придя в Лувр, Франциск I узнал, что в одной из гостиных собрались дамы, ожидающие вестей о походе на Двор чудес.

Сочтя такое происшествие забавным, они устроили позднюю вечеринку, на которой была и герцогиня д'Этамп. Госпожа Диана де Пуатье ушла в свои покои.

Король осведомился, где же собрались дамы. Бассиньяк отвел его.

Франциск I взял герцогиню де Фонтенбло за руку и в сопровождении одного из тех, кто ездил вместе с ним, вошел в гостиную к собравшимся.

Все дамы привстали, но король любезно мановением руки велел им оставаться на месте.

– Не приведи Господь, – галантно сказал он, – нарушить беседу столь очаровательного общества. Я только хотел бы вверить вам на часок герцогиню де Фонтенбло, которая вернулась к нам из поездки. Госпожа герцогиня д'Этамп, вверяю ее вашему особенному покровительству.

Король сказал эти слова совершенно бесхитростно, ни на что не желая намекнуть.

Но герцогиня вся побелела: король, решила она, узнал, что это она похитила Жилет.

«Я погибла!» – подумала герцогиня.

Тем не менее она сделала королю самый изящный свой реверанс и, тотчас оправившись от волнения, принялась осыпать Жилет ласками.

Машинально взглянув на вельмож, сопровождавших короля, герцогиня увидела среди них Алэ Ле Маю.

«Так вот кто предал меня!» – подумала она.

Король между тем ушел.

Жилет осталась с придворными дамами. Она тоже узнала герцогиню д'Этамп, затрепетала от ужаса и с такой очевидной неприязнью принимала ее ласки, что герцогиня, видя недоумение остальных дам, не удержалась и воскликнула:

– Дорогая малышка, да вы как будто боитесь меня?

– Нет, сударыня, – ответила Жилет. – Я выгляжу взволнованной – так это потому, что у меня все из головы не идет одна женщина, которая почему-то очень на вас похожа. Она меня отвезла к какой-то безумной, чтобы меня там убили...

– К безумной! Боже мой! – воскликнули несколько дам.

– Да, к безумной, – сказала Жилета. – Ее зовут Маржантина, а живет она в лачуге возле Двора чудес. Вы, сударыня, ее случайно не знаете?

Герцогиня д'Этамп прикусила губу и ничего не ответила.

Теперь она точно была убеждена, что Алэ Ле Маю выдал ее, и осталась в тоске. Примерно через час вернулся король. Он собственной персоной пришел за герцогиней де Фонтенбло.

Куда он ее отвел, мы уже видели.

Когда же он опять вошел в гостиную, герцогиня д'Этамп уже думала, что ее сейчас арестуют и отвезут в какую-нибудь крепость.

Но, к ее великому изумлению, король был явно в превосходном настроении. Он изволил насладиться обществом придворных дам, сел рядом с герцогиней д'Этамп, и все могли своими глазами убедиться, что нынче она в необычайном фаворе.

Тем временем доложили о возвращении Монклара.

– Просите господина великого прево пройти сюда, – велел король. А дамам сказал: – У меня для вас новость, сударыни: двор скоро переедет.

– Куда же мы отправимся, государь? – разом спросили несколько желающих занять почетное место госпожи д'Этамп.

– В Фонтенбло. Едем завтра же.

Дамы разохались, но тут вошел Монклар.

– Что же, Монклар, – спросил король, – у вас все хорошо? Сожгли вы Двор чудес?

– Государь, – ответил Монклар, – я хотел бы иметь честь поговорить одну минуту с Вашим Величеством...

Король посмотрел кругом.

Громко шурша накрахмаленными юбками, дамы встали, церемонно поклонились и удалились.

– Так что же? – произнес король, оставшись с Монкларом наедине.

– Государь, – сказал великий прево, – нас побили.

– Вы шутите, сударь мой! – воскликнул Франциск I.

– Я никогда не шучу, государь.

– Это правда, я никогда не видел, чтобы вы смеялись. Но то, что вы мне сказали, так необычайно...

– Нас предали, государь.

Великий прево подробно отчитался о штурме, о своей диспозиции и о том, что случилось потом.

– Надеюсь, государь, – заключил он, – дело только отложено: ведь королевская власть должна одолеть...

– Нет, сударь, – возразил король Франциск, – это дело окончено. Ради наставлений какого-то фанатичного монаха вы втянули меня в него и выставили на смех. Мы побиты ворами! Чертова сила! Стоило снаряжать целые полки! Желаете еще попробовать? А я не желаю! Одного урока довольно! Какого дьявола было брать их штурмом? Короли – мои предки – всегда блюли вольности нищих. А мне зачем нарушать старый порядок?

Король приводил довод за доводом, не говоря только главного: ему не терпелось уехать из Парижа в Фонтенбло.

– Ваша высочайшая воля, государь, – хладнокровно сказал Монклар. – Я только спрошу Ваше Величество, о каком монахе вы только что сейчас говорили?

– О господине Лойоле, – с неприязнью сказал Франциск. – Вы не станете отрицать, что прежде всего хотели угодить ему?

– Прежде всего, государь, я отстаивал королевскую власть.

– Может быть, славный мой Монклар, может быть. Положим даже, вы были правы. Но дело не прошло и речи о нем больше нет.

Великий прево недоумевал, почему король вдруг так снисходителен.

Он ожидал страшного взрыва ярости, а получил вместо того только маленький нагоняй.

«Что он задумал?» – размышлял Монклар.

Оба немного помолчали.

– Монклар, – возобновил разговор Франциск, – вы занимаетесь поисками герцогини де Фонтенбло?

– Да, государь. Думаю, что уже напал на след.

– Вот как!

– По крайней мере, на след тех, кто похитил юную герцогиню из Лувра.

– Что ж, когда найдете – скажете, – спокойно сказал король. – О самой же герцогине можете не тревожиться, она уже нашлась. Кстати, Монклар, завтра я еду в Фонтенбло. Не

забывайте каждое утро посылать мне нарочного, чтобы я знал, что делается в Париже. Ступайте, дорогой мой Монклар, ступайте...

Великий прево поклонился и вышел, думая про себя:

«Воры остались с победой, маленькая герцогиня нашлась без меня – одно другого хуже! В Фонтенбло король меня не берет. Стало быть, я в опале... Надо пойти к господину Лойоле!»

* * *

На другое утро Алэ Ле Маю проснулся очень веселый. Он тщательно оделся, чтобы отправиться к господину де Монклару получить чек на тысячу экю, а от него пойти к королевскому казначею.

Мысли его были самые радужные.

Собравшись, офицер вышел из дома. На пороге он столкнулся с женщиной под капюшоном, которая показалась ему знакома.

– Вы куда-то собрались? – спросила женщина.

«Герцогиня д'Этамп!» – подумал Ле Маю.

Вслух он произнес:

– Простите, сударыня, я в самом деле ухожу, дело по королевской службе, задержаться я никак не могу.

– Даже для меня? – спросила герцогиня и сбросила капюшон.

С этими словами она подтолкнула Ле Маю обратно в дом, вошла за ним и закрыла дверь.

– Мадам! – воскликнул офицер. – Если бы я знал, что это вы! Вы сами знаете, что ваша служба для меня даже вперед королевской... Извольте же присесть...

Ле Маю поспешно убедился, что кинжал у него на поясе.

– Так вот, – сказала герцогиня, – потрудитесь объяснить мне, каким образом та девушка, которую мы с вами отвели к полоумной, вчера оказалась в Лувре.

– Мадам, я сам совершенно изумлен.

– В самом деле, дорогой Ле Маю?

– Как я имею честь говорить сейчас с вами.

– Вы лжете с редким бесстыдством, милейший.

– Клянусь, мадам...

– Знаете, а я с вами буду честнее. Так знайте, мой славный, что вчера же вечером я принимала господина великого прево. Он зашел ко мне, расставшись с государем.

Ле Маю побледнел и стал бочком подбираться к двери.

– Куда же вы? – спросила герцогиня. – Уж не боитесь ли вы меня?

– Боюсь, мадам, – без обиняков ответил Ле Маю.

Ответ был таким неожиданным, что герцогиня в первый раз взглянула на головореза с некоторым интересом.

– И что же во мне такого страшного? – улыбнулась она.

– В вас ничего, мадам! Но я слышал одну историю, как бедная госпожа де Сент-Альбан покушала фруктов, а потом у нее случились колики...

– Не говорите глупостей, господин Ле Маю, – сказала герцогиня сурово, но эта суровость даже успокоила Ле Маю. – Оставим байки, страхи и фрукты. Если бы я желала вам зла, то велела бы ночью схватить вас и бросить в каменный мешок.

«А ведь правда!» – подумал Ле Маю и совсем успокоился.

– Так вот, – продолжала герцогиня, – господин де Монклар зашел ко мне, и от него я узнала одну вещь: король велел ему выписать вам чек на тысячу экю от казначейства. Не

будем терять время на бесполезные разговоры. Вы меня предали: что ж, я на вас зла не держу. Я пришла к вам спросить: не хотите ли предать и короля, которому послужили вчера? Не хотите ли к его тысяче добавить еще тысячу от меня? У вас будет две тысячи экю – целое богатство!

Ле Маю напряженно слушал. Ему казалось, что герцогиня говорит искренне.

– Что мне делать? – спросил он хладнокровно.

– Прежде всего, расскажите мне, как это случилось.

Причины лгать у Ле Маю больше не было, поэтому он вполне откровенно рассказал, что было ночью.

– Мне бы следовало, – сказал он в заключение, – сообщить вам сразу, как я увидел герцогиню де Фонтенбло, но я так беден, мадам...

– Да, понимаю: вы пошли услужить тому, кто богаче. Я уже говорила, что не держу на вас зла. Вы только орудие. Теперь мой черед хорошо заплатить вам, чтоб быть уверенной в вашей преданности.

– Золотые слова, мадам, золотые! – просияв, воскликнул Ле Маю.

– Так вы готовы сделать то, что я хочу... разумеется, за достойную плату?

– То есть за тысячу ливров...

– Совершенно верно.

– Жду ваших приказаний, мадам. Что нужно сделать?

– Снова похитить маленькую герцогиню.

– Это будет трудно.

– Нет-нет, у меня есть план. Думать вам не придется: требуется только исполнительность.

– Да, быть хорошим орудием. Это мне очень подходит.

– Прекрасно. Итак, в полдень будьте у меня. Король выезжает из Лувра в два часа пополудни. Весь двор едет в Фонтенбло, и я со всеми.

– Но мне нужно будет оставаться на посту в Лувре.

– Об этом не тревожьтесь: в нужный момент вы получите приказ отправиться в Фонтенбло. Я уже распорядилась.

– Итак, в полдень я у вас, мадам.

– Да, у нас будет два часа на разговор. Это не так много.

Она порылась в сумочке, достала вязаный кошелек из тонкого шелка и подала Ле Маю.

– Держите задаток, – сказала она.

Ле Маю, согнувшись в поклоне, схватил кошелек, стиснул в руке и тут же негромко вскрикнул. Должно быть, в кошельке была булавка – вот он и укололся.

– Так не забудьте – в полдень! – сказала герцогиня и направилась к двери, не обращая внимания на вскрик Ле Маю.

– В полдень, мадам. Будьте спокойны, – ответил офицер.

Герцогиня вышла. Ле Маю немного выждал, пока она отойдет подальше.

«Хорошее дельце! – думал он. – Не так страшна герцогиня, как я думал. Да ведь я ей и вправду нужен... Неужто я сейчас разбогатею? А ну-ка, посмотрим, что у нас в кошельке».

Кошелек лежал на каминной полке. Он взял его и опять укололся.

– Еще булавка! – проворчал Ле Маю. – Чертовы женщины везде натычут своих булавок!

Он открыл кошелек. Золота в нем не было.

Там лежал мячик – маленький мячик, утыканный стальными иголками.

Ле Маю весь побледнел от ужаса.

– Злодейка! Она отравила меня! – хрипло выкрикнул он. – Однако погоди же! Я не умру, пока не отомщу!

Он хотел броситься вон, но вдруг застыл на месте.

Ледяной пот выступил у него на лбу, зубы словно тисками стиснуло, все вокруг завертелось, глаза накрыло черной пеленой. Он повалился на колени.

Еще немного Ле Маю царапал ногтями пол... а после замер навеки.

В то самое время, когда злополучный Ле Маю испустил дух (как раз тогда, когда впервые в жизни готов был подержать в руках целую тысячу экю), граф де Монклар вошел в комнату, где неподвижно лежал на кровати преподобный Игнасио Лойола.

При виде Монклара в его потускневших глазах сверкнула радость. Монах был вне опасности и сам знал, что не умрет. Но ненависть его к Лантене от этого не угасла.

– Отче, – сказал Монклар, присев у изголовья Лойолы, – я решился. Ваши наставления, ваши мудрые суждения вдохновили меня. Я хочу вступить в святой орден, основанный вами ради вящей славы Господа нашего Иисуса Христа и блага святой церкви...

– Хорошо, сын мой! – выдохнул Лойола.

– Итак, я уйду от мира, оставлю двор, где всюду ложь и коварство. Быть может, в монастыре я обрету наконец мир! Я хочу как можно скорей туда поступить...

– Нет! – покачал головой Лойола.

– Что вы сказали, отче?

– Я сказал, вам не надобно идти в монастырь.

– Но вы же сами внушили мне эту мысль!

– Нимало! Мысль вступить в наш орден – да, но не уйти в монастырь. Вам надобно остаться при дворе.

Лойола перевел дух.

– Сын мой, – продолжал он, – есть два пути служить Богу и Церкви. Первый – торный. Его избирают сердца робкие, что ищут убежища в Боге, а не идут в мир сражаться во имя Его. Они идут в монастырь и живут там спокойненько, иногда они бывают святыми, но всегда – трусами.

Лойола говорил без всякого воодушевления, но в голосе его, хоть и ослабленном болезнью, звучал необычайный напор.

– Другой же путь, – продолжал он, – приличен душам сильным, умам закаленным, сердцам бестрепетным. Монах, сын мой, – это воин, воин Христов! Коль славно это звание! И этот путь, граф, оставаться среди мирской жизни, жить в глазах света так, словно и не давал никаких обетов, а между тем все дела, все помыслы, всю крепость, все разумение направлять к единой цели – ко славе Господа и к преуспеянию Церкви Его...

– Однако, отче, – заметил Монклар, – этим путем идут все добрые христиане, если имеют сильную веру.

– Вы не поняли меня. Я говорю о человеке высшего разума, который остается мирянином и весь вверяется Церкви...

Лойола немного помолчал и вдруг спросил:

– А понимаете ли вы, сын мой, что такое Церковь?

– Церковь, отче? Это собрание верных, это стадо, которое пасут наши пастыри, над пастырями же стоят епископы, над ними кардиналы, а над ними, в самой близости от Бога, тот, чьи стопы стоят на земле, а митра касается неба – Пресвятой отец!

– Вы правы отчасти. Такова Церковь для простецов – для стада, как вы сказали. Но вы-то, граф, не простец. Да, Церковь – это то, что вы описали, но есть еще нечто выше пастырей, выше епископов, кардиналов и самого папы.

– Что же это, отче? – спросил Монклар.

– Это мы! – ответил Лойола.

– Мы?

– Да, мы, рыцари Пресвятой Богородицы, орден Иисусов – орден священный, могущественный, перед которым уже склонили чело короли, императоры и сам папа. Я говорю «Церковь» – подразумеваю Орден.

Монклар склонил голову.

– Я словно ослеплен сиянием, отче, – проговорил он дрожащим голосом. – Да, только теперь я понял, на какой великий подвиг борьбы вы пошли!

Лойола улыбнулся.

Суровый дух великого прево, непреклонный перед малыми, жесткий, недоступный жалости, гнулся по воле монаха.

– Я приму ваши обеты, сын мой. Как только буду в силах, выслушаю вашу исповедь, затем познакомлю с уставом ордена, и вы станете его членом. Но эти обеты, как я сказал, останутся тайными. Для всех, даже для самого короля, для всего мира, кроме меня, вы останетесь просто великим прево короля Франциска. Для меня же вы будете членом общества Иисуса – избранным членом, Богом клянусь, сын мой!

– Что же я буду должен делать, чтобы достойно служить Церкви, то есть тому могущественному обществу, в которое я вступаю?

– Я посмотрел на вас, сын мой. Я увидел вашу истинную веру, ваш высокий ум, и предназначил для вас одну из самых трудных, самых опасных, но и самых славных задач. Вы будете в числе наших отборных солдат, посланных к врагу.

– К врагу! – негромко повторил Монклар.

– Я поручаю вам наблюдение за королем Франции.

И монах, уверенный в своей власти, добавил:

– Более всего я желаю знать королевские мысли.

– Насчет чего, отче?

– Всего, сын мой. Но по ходу дела я буду давать вам знать, на что вы особо должны будете направить свою проникательность. А покуда примечайте все, что делает, все, что говорит король, его самые простые поступки, самые незначительные по видимости мысли могут иметь для меня величайшую важность. Для меня – то есть, хотел я сказать, для блага Церкви и для славы Христовой... Послушайте, хотите ли, чтобы я дал вам совет?

– Скажите, отче.

– Итак, каждый вечер, вернувшись домой, запирайтесь в кабинете и записывайте все, что видели и слышали днем. Ведь нет надобности говорить вам, то, что относится к королю, относится и к менее важным вельможам. Словом, пишите историю французского двора. Если вы будете заниматься этим несложным трудом каждый вечер, то наверняка не упустите ни одной подробности...

Монклар безмолвствовал.

– Подумайте еще, сын мой, – поспешно сказал Лойола. – Когда вы почувствуете, что принадлежите Господу – через неделю, через месяц, если хотите, – тогда и сообщите мне.

– Отче, – сказал Монклар, – когда благословите приступить?

– Сей же час, сын мой, – важно ответил Лойола. – А исповедь за всю жизнь я у вас приму, когда вам будет угодно.

– Тотчас же! – воскликнул Монклар.

– Извольте, – сказал Лойола.

Монклар преклонил колени...

* * *

Когда Монклар закончил исповедь и поднялся, лицо его было мрачнее прежнего.

– Обеты вы принесете, когда я смогу пойти в какой-нибудь храм, – сказал Лойола. – Но с этой минуты вы наш, сын мой. Я произнес над вашей главой великие и грозные слова, посвящающие вас Господу. Отныне, предав меня, вы предадите самого Бога!

Несколько минут прошло в торжественном молчании.

Лойола как будто хотел, чтобы Монклар весь проникся теми грозными словами, что произнес сейчас монах.

Монклар же, окончательно приняв на себе свою мерзкую роль, оставался спокоен. Он думал только, что отныне могущественней самого французского короля.

Наконец Лойола заговорил:

– А теперь, сын мой, скажите, удался ли вам поход против воров.

– Нет, отче.

– Так что, бандит Лантене ускользнул от нас?

– Пока да.

– Но я не могу его упустить! – недовольно сказал Лойола.

– Потерпите, отче, – сказал Монклар. – Обещаю, что мы возьмем его.

– Хорошо, сын мой. Я верю вам и вашему слову.

– Клянусь вам, что вы будете жестоко отомщены.

Лойола кивком дал понять, что будет ждать терпеливо.

– А что Доле? – спросил он.

– Судья начал знакомиться с делом.

– Надо ускорить процесс. Прежде чем уехать из Франции, я хочу видеть, как он горит на костре.

– Увидите, отче! Не желаете ли отдать мне еще какие-нибудь распоряжения?

– Нет, сын мой. Ступайте, мне надобно отдохнуть. Ступайте. Господь одушеви и наставь вас!

* * *

Когда великий прево склонял голову под страшное благословение Игнасио Лойолы и становился членом ордена Иисуса в миру, при дворе все готовились к отъезду в Фонтенбло.

Рано утром король послал за мэтром Рабле. Кинулись за славным врачом в комнаты, отведенные ему Франциском I – и не нашли. Стало ясно: мэтр Рабле сбежал.

Король послал конников, те обшарили все окрестности Парижа – напрасно.

Мы знаем, как и почему исчез Рабле. Знаем и то, почему в его комнате не осталось ни письма, написанного королю, ни приготовленного им лекарства.

Тревога короля Франциска перешла в большую тревогу. Он мало доверял заурядным медикам, и бегство Рабле стало для него дурным знаком. Поэтому Лувр он покидал очень мрачным.

Кроме того, короля немало удивило, что Алэ Ле Маю не явился за обещанной тысячей экю. Но удивление не перешло в тревогу за человека, который отыскал ему Жилет.

Так никто и не подумал о том, что же случилось с Алэ Ле Маю. Только несколько дней спустя хозяйка квартиры нашла его труп.

Узнав о смерти брата, господин Жиль Ле Маю воскликнул:

– Одним шаромыжником меньше – не пришлось и веревку тратить!

Около двух король велел отправляться. Большой королевский двор насчитывал три десятка карет, в которых разместились женщины: принцессы и фрейлины. Повозок со слугами и вещами было более ста. Придворные вельможи должны были ехать верхом. Эскортом служил кавалерийский полк.

Роскошная кавалькада промчалась по Парижу при восхищенных приветствиях народа. Люди стояли плотными шеренгами и кричали, что было мочи:

– Да здравствует король!

Франциск I скакал на коне, окруженный свитой, и не обращал никакого внимания на этот восторг. Только завидев среди исступленной толпы хорошенькую девушку, он удоставал ее улыбки.

Наконец кавалькада выехала из Парижа и во весь опор помчалась в королевскую резиденцию Фонтенбло.

VII. Завещание Этьена Доле

День суда над Этьеном Доле приближался. Несколько раз к нему приходил судья и долго допрашивал. Обвинение предъявлялось по двум весьма конкретным пунктам. Во-первых, Этьен Доле обвинялся в утверждении, что после смерти человек перестает существовать. Во-вторых, его обвиняли в напечатании бесовских книг, а главное – венец нечестия! – Библии на народном языке.

Дело в том, что Библия, напечатанная на латыни, была священной книгой, но та же самая книга, переведенная на французский язык, становилась душепагубной.

На первый пункт Доле отвечал:

– Я не утверждал, что человек после смерти перестает существовать, а переводил Платона, который это утверждает. Многие отцы Церкви переводили Платона, и я вслед за ними, только я не считал себя вправе его резать.

Второй же пункт Доле просто отрицал.

Он получил от короля привилегию типографа. Он знал, к чему обязывает эта привилегия.

Правдой было то, что Доле скорее отказался бы от привилегии, чем пошел бы на обман.

А книги, найденные у него, были подброшены братьями Тибо и Любенем.

Мы не будем утомлять читателя многочисленными допросами, которые несчастному пришлось вытерпеть. Скажем только, что судья не раз вставал в тупик перед ясными, простыми и четкими ответами обвиняемого.

Наконец, Доле узнал, что его будут судить как вероотступника, еретика и схизматика, уличенного в общении со многими демонами.

Когда Жиль Ле Маю зачитал Этьену Доле постановление, предававшее его суду по всем этим ужасным обвинениям, тот воскликнул:

– Я погиб!

Со времени неудавшегося бегства он оставался всегда в одной застенке. Сколько бы стражей ни окружало мэтра Ле Маю, он все боялся, что если заключенного будут перевозить, он решится еще на одну отчаянную попытку.

И его оставили на прежнем месте.

Только стражников, постоянно дежуривших у дверей камеры, поставили вчетверо больше. Кроме того, в самой камере день и ночь сидели три вооруженных солдата, зорко следивших за каждым движением узника, готовых в любой миг скрутить его.

Для сна у него была соломенная подстилка. Для питья – очень немного воды. Что же до еды, Ле Маю оказал большое великодушие: у заключенного каждый день был хлеб, а через день – овощная похлебка.

Справедливость требует сказать, что хлеб был черный, а в похлебке – много горячей воды и совсем немного овощей, так что от этой еды он как раз мог не умереть с голоду.

Зато по специальному распоряжению Лойолы узнику позволялось писать. Надеялись, что из-под его пера вырвется признание – какое-нибудь словечко, которое можно будет должным образом подать, пояснить и представить прямо продиктованным бесом.

Не то чтобы в исходе процесса были сомнения – Доле приговорили заранее. Но все-таки на суде лучше было соблюсти приличия.

Мы войдем в камеру Доле вместе с господином Жилем Ле Маю – комендантом Консьержери. Он зашел спросить, нет ли у обвиняемого каких-либо жалоб.

– Нет, никаких, – ответил Доле.

– И то сказать, – ответил ему Ле Маю, перерезав широкой улыбкой свое красное лицо, – все у вас есть: хлеб, вода, солома – обильная, вкусная и здоровая пища, приличное ложе,

так чего же еще? Но мне все-таки было бы приятно от вас самих услышать, что вы ни на что не жалуетесь.

– Ни на что! – еще раз сказал Доле.

– Еще замечу вам, – продолжал Ле Маю, – что я приказал принести к вам в камеру стол, чернильный прибор, бумагу, так что вы можете писать, если вам угодно...

– Благодарю вас. Когда я предстану перед судом?

– Судья назначил на вторник.

– Благодарю, – опять сказал Доле.

Была суббота.

– Могу ли я сообщить семье, что в этот день меня будут судить? – спросил Доле.

– Так пишите, пишите! – настойчиво ответил Ле Маю.

Доле кивком дал знать, что подумает.

Как все заключенные, не имеющие связи с внешним миром, заживо погребенные в склепах, куда не проникают звуки жизни, он думал, что забыт всем миром, кроме родных.

На самом деле в Париже только и говорили, что о грядущем суде. Знали, что судить будут большого ученого.

Но Доле понятия не имел о шуме, поднявшемся вокруг его имени. Он с тоской думал, как подать о себе весточку семье.

Ле Маю без труда мог бы утешить его хотя бы в этом. Но Ле Маю был настоящим тюремщиком; он считал бы, что нарушил долг, если бы дал заключенному хотя бы самое слабое, смешанное с печалью утешение. Да и пришел-то он больше для того, чтобы нагулять себе аппетит: уже подходил час обеда.

Мы видели, каким весельчаком был наш консьерж Консьержери. Он любил от души посмеяться и полагал, что, насмеявшись, лучше обедаешь. Так оно и есть.

А ничто не веселило Жюль Ле Маю больше, чем побледневшее вытянувшееся лицо несчастного, которому приносили дурную весть. И он, заранее прыска и еле сдерживаясь, чтобы уже не расхохотаться, сказал узнику:

– Только поскорей пишите, сударь, если вам есть о чем писать. Сдается мне, через недельку вы пера в руках уже не удержите.

– Отчего же? – спокойно спросил Доле.

– Как «отчего»? Разве ж на том свете можно писать?

И вообразив себе покойника с пером в руках, тюремщик нашел это до того смешным, что уже не смог удержаться.

Он хохотал, а Доле серьезно глядел на него.

– Простите меня! – выговорил Маю, утирая слезы с глаз. – Ой, право, не могу!

– Так вы полагаете, – спокойно спросил Доле, – что меня приговорят к смерти?

Ле Маю вылупил глаза и чуть было не расхохотался снова.

– Да вы с Луны, что ли, свалились? – сказал он. – Еще бы не приговорили! Я своими глазами видел приказ присяжному парижскому палачу заготовить хороший столб с двумя добрыми веревками, сухого хвороста, факелы – все, что положено. Вы уж не бойтесь, обслужат вас как важную персону!

– Так меня сожгут! – воскликнул Доле, не сдержав содрогания.

– Сожгут? – сказал Ле Маю, сообразив, что наболтал лишнего. – Ну, это только так говорится. Отчаиваться пока что рано. А может, этот хворост заказали для кого-то из тех, кто сидит в Шатле. Ну, будьте здоровы!

Оставшись в камере один (три вооруженных стражника для него уже не шли в счет), Доле принялся в задумчивости ходить от стены к стене. Дни и ночи он так расхаживал, думая то о Лойоле, чьей невинной жертвой стал, то о короле, который подло выдал его, ино-

гда задерживаясь умом на какой-нибудь философской проблеме и только всячески изгоняя образы жены и дочери (когда он думал о них, то чувствовал, что сил больше нет).

Смерть его не страшила. Что касается страданий на костре, то он, пожалуй не повторял притворную мудрость древних стоиков «страдание – только слово», но был тверд духом.

Он присел на табуретку за столик и закрыл лицо рукой.

– Меня сожгут... – прошептал он.

Его сотрясло содрогание.

«Почему? – думал он. – Положим даже, я заслуживаю смерти, но разве не могли убить меня без мучений? Почему те, кто объявили себя служителями Бога любви, настолько сами жестоки? Взять живого человека и обречь его на такие муки: поставить на грудь хвороста и поджечь!»

Рука его упала на стол. Он машинально взял перо. Множество мыслей волновало его. Он начал писать:

«Это мои последние мысли. Последнее усилие разума, который вскоре погаснет. Быть может, эти строки попадут в руки людей справедливых. Быть может, бумагу эту разорвут. Я только непременно хочу думать, что позже меня прочтут.

Итак, с могильного порога я обращаюсь к людям. Костер – моя кафедра. Меня сожгут! Сожгут заживо! Что претерпит плоть моя – не знаю.

Не знаю и того, какие вопли агонии вырвутся из груди моей, когда в исступленье, среди языков пламени, я уже не смогу отвечать за свою мысль.

Истинный вопль осужденного – здесь, на этой бумаге.

Итак, вот чего я желаю. Ни в каком дурном деле я невиновен.

Как далеко ни вглядываюсь я в свою жизнь с трепетом и дотошностью беспристрастного судьи – не нахожу в ней никакой настоящей вины. Я любил людей, братьев моих. Я старался показать им, что есть некий светоч, ведущий их к счастью сквозь мрак того мира, в котором мы живем. Имя этому светочу – Наука.

Итак, я по мере сил сеял кругом семена науки, то есть света, чтобы, насколько возможно, рассеять мрак, то есть невежество.

Я не отвращался от тех, кто имел счастья менее моего. Я не взирал неумолимым взором на чужие проступки. Я думал, что высшее слово человеческой мудрости, роковой исход науки, мысли и жизни – это терпимость.

Если бы в роде людском одни жалели других, если бы раскрылась лучезарная, великолепная мысль о братстве, которую прозревал Христос, человечество решило бы проблему земного рая.

Но бал правят злоба и ненависть. Здесь я никого не хочу обвинять. Говорю только, что дух любобачалия порождает дух злобы.

Говорю, что властители, придумавшие костер для тех, кто не желает быть рабами, – помеха, подлежащая устранению.

О, если бы меня поняли! Если бы люди однажды научились мыслить свободно – чтобы их вера, убеждения, мысли не были им навязаны! Если бы наука переплавляла в горниле анализа те верования, что были нам навязаны веками варварства!

Я не думаю, что преступаю пределы человеческих прав, когда высказываю такие пожелания. Не думаю, что в чем-то виноват. Но именно за то, что я думал так, как пишу сейчас, за то, что любил науку и свет, за то, что был братом братьям своим, меня и сожгут.

Я хотел бы, чтобы когда-нибудь на самом месте моей казни воздвигся памятник, чтобы освобожденные люди приносили цветы к подножию этого памятника, чтобы память о нынешней неправде была увековечена простыми словами, из года в год повторяемыми перед толпами народа: “Здесь сожгли человека за то, что он любил братьев своих,

проповедовал терпимость и громко говорил о благодетельности науки. Это было во времена, когда жили такие короли, как Франциск, и такие святые, как Лойола”.

Вот чего я желаю.

Во удостоверение чего, свободный духом и здоровый телом, подписываюсь».

И Доле поставил свою подпись.

О чем он думал в эти часы отчаяния? Должно быть, как он ни старался, уму его живо представлялись жена и дочь, которые скоро станут вдовой и сиротой.

Ведь солдаты видели, как он неуверенно протягивал руки, словно для объятия, и слезы туманили его взор.

Потом Доле вдруг встал. Стал взволнованно расхаживать по камере. Потом успокоился. Подошел к столу и хотел перечитать лист с теми строками, которые мы только что привели. Листа уже не было!

Покуда он забывался в мечтаньях, один из солдат тихонько взял бумагу и передал стражникам в коридоре. А теперь документ был в руках Жиля Ле Маю!

VIII. Фонтенбло

Утром того дня, когда Франциск I с придворными уехал из Парижа, Манфред объявил Лантене, что едет в Фонтенбло, и пересказал ему все, что случилось той ночью.

– А ты, – сказал он в заключение, – попытаешься спасти Доле. – В тот день и мне нужно будет быть в Париже. Подготовь дело как знаешь, а само дело будет за мной.

– Как же я дам тебе знать, брат? – спросил Лантене.

– Давай подумаем... От Парижа до Фонтенбло хороший всадник, пожалуй, доскачет без отдыха, хоть это и нелегко, согласен. Но выбирать нам не приходится. Если ничего срочного не случится, ты просто заранее дашь мне знать, на какой день назначено дело. Если же окажется, что действовать придется без подготовки, пошлешь ко мне Кокардэра на борзom коне, и я приеду с ним вместе.

Лантене все понял и кивнул. Друзья расцеловались, и Манфред вернулся к Рагастену и Трибуле.

– Король едет в два часа пополудни, – сказал шевалье де Рагастен. – Я только что узнал. Манфред побледнел. Он надеялся, что король задержится в Париже еще на несколько дней.

– Стало быть, – продолжал шевалье, – план мой переменится. Мы поедем не утром, а днем.

– Почему? – спросил Манфред.

– Потому что если мы явимся в Фонтенбло раньше, чем двор, то неизбежно вызовем любопытство, а нам-то надо, чтобы нас не замечали.

– Но ведь если мы приедем после короля – тоже привлечем такое же точно внимание?

– Это верно. А если одновременно?

– Как! Вы хотите въехать вместе с королем?

– Господин шевалье прав! – воскликнул Трибуле.

– Так нас вернее всего не заметят ни по пути, ни по приезде в Фонтенбло.

Итак, час отправления был рассчитан, исходя из отъезда двора.

Спадакаппа ехал вместе с остальными.

Принцесса Беатриче оставалась в Париже, в том доме, который Рагастен снял на Утиной улице. Ведь никаких причин держать этот дом под надзором больше не было, а для Беатриче там оставалось обставленное жилье с прислугой.

Были исполнены разные распоряжения, и ровно в три, то есть через час после отъезда Франциска I с придворными, Рагастен дал знак отправляться.

Четыре всадника выехали из Парижа и поскакали по Меленской дороге.

Около пяти, когда начало смеркаться, Манфред, ехавший впереди, заметил хвост королевского эскорта.

Тогда наши всадники стали сохранять дистанцию с ним.

Рагастен несколько раз оборачивался, и ему показалось, что за ними по дороге скачет еще кто-то.

«Неужели нас выследили?» – подумал он.

Шевалье остановился и вместе с конем спустился в придорожный ров.

Но неизвестный всадник то ли заметил его уловку, то ли вдруг поехал другой дорогой: Рагастен его так и не дождался.

Встревоженный, он пустился вскачь и догнал своих товарищей. Но тут он обернулся и увидел позади все того же всадника. «Что ж, посмотрим», – подумал он.

В шесть вечера доехали до Лёзена – деревушки на полпути от Парижа до Фонтенбло. Там двор устраивался на ночлег. Высланные вперед квартирьеры уже приготовили для всех

помещения. Рагастен и его друзья нашли приют у соседнего фермера, который за два эку согласился дать им ночлег на сеновале.

Рано поутру эскорт вновь пустился в дорогу. Четверо друзей заняли места позади колонны.

На опушке королевского леса Рагастен опять заметил неизвестного всадника, преспокойно трусившего в тысяче шагов за ними.

– Видели того, кто едет за нами следом? – спросил он.

Манфред и Трибуле разом обернулись.

– Шпион! – воскликнул Трибуле.

– Я его застрелю, – сказал Манфред.

– Нет, поезжайте дальше, – ответил Рагастен. – Я разберусь, кто это такой.

Манфред, Спадакаппа и Трибуле поскакали вперед, а Рагастен свернул с дороги, въехал в густые кусты и затаился.

На сей раз уловка удалась вполне: через десять минут мимо проехал всадник на крепком коне, тщательно закутанный в широкий плащ.

Рагастен пропустил его вперед, выехал из кустов и в несколько скачков догнал незнакомца.

Остановив коня стремя в стремя с ним, шевалье учтиво поклонился и спросил:

– Вы, должно быть, догоняете королевский двор, милостивый государь?

Незнакомец взглянул на него и тотчас откликнулся:

– А вы, шевалье де Рагастен?

Рагастен вздрогнул и нахмурился.

Но в этот миг всадник снял берет, надвинутый на глаза, откинул плащ, и Рагастен увидел, что это женщина. Он знал ее: то была таинственная обительница усадьбы Тюильри, которая проводила его на улицу Сен-Дени. Мы с вами знаем, как ее звали: Мадлен Феррон.

– Это вы, мадам! – воскликнул шевалье.

– Я самая! – ответила она с принужденной веселостью, от которой у Рагастена сжалось сердце. – Я еду в Фонтенбло. А вы?

– Да, я тоже, – ответил удивленный шевалье. – У меня там очень важные дела.

– А я, шевалье, думаете, от нечего делать туда поехала?

Рагастен ничего не отвечал: странный тон его собеседницы производил на него тягостное впечатление. Она же продолжала:

– Вы не находите, как удивительно скрещаются наши судьбы? Вот уже в третий раз мы с вами встречаемся.

– Это верно, мадам, и первые два раза встречи для меня были чрезвычайно удачны.

– А уж как я рада, что могла вам помочь, вы себе даже не представляете. Но скажите: хорошо вы устроились в доме на Сен-Дени?

– Там приключилась беда, – сказал Рагастен.

Пораженная, Мадлен вопросительно посмотрела на шевалье.

Рагастен рассказал ей, что случилось: как неожиданно появился король, как увели Жилет.

– Должно быть, когда мы шли туда из Тюильри, кто-то нас выследил, – сказал он в заключение.

Мадлен слушала его, не отрываясь.

– А теперь вы хотите спасти эту девочку? – спросила она.

– Да, мадам.

– Ну что же, шевалье, наша третья встреча, если я не ошибаюсь, вам тоже пригодится. То, что вы рассказали, совершенно перевернуло весь план, который я задумала. Всего доброго, шевалье – может, еще увидимся!

С этими словами диковинная женщина пришпорила коня, поскакала вперед и скрылась. Рагастен не успел и рта раскрыть.

Тем же аллюром Мадлен Феррон пронеслась мимо Спадакаппы, Манфреда и Трибуле. Спадакаппа тревожно оглянулся, но тут же успокоился: Рагастен рысцой догонял их.

Мадлен Феррон свернула в лес, срезая путь, чтобы обогнать длинную вереницу всадников, карет и повозок.

– Кто ж это? – спросил Манфред, когда шевалье догнал товарищей.

– Нет, это не шпион. Это друг.

– Друг?

– Я не могу не назвать эту женщину другом.

– Так это женщина?

– Да. Я встречаю ее в третий раз.

И Рагастен рассказал юноше, при каких обстоятельствах прежде встречался с таинственной всадницей.

Манфред без труда узнал по портрету, набросанному Рагастеном, ту женщину, которую он спас на виселице, которая сама спасла его, открыв дверь усадьбы Тюильри.

Он тоже рассказал об этих двух случаях.

– Хотя мы и не близкие друзья, – закончил он рассказ, – зла эта женщина нам точно не желает. Но чего же ей надобно в Фонтенбло?

* * *

Между тем Мадлен Феррон остановилась в одном из первых домов у въезда в городок.

Накануне вечером в этот дом пришел человек, которого наши читатели уже могли на минутку увидеть. То был Дурной Жан – несчастный, чья тень мелькнула перед нами в доме Прокаженной.

Жан выехал из Парижа на пару часов раньше, чем король, добрался до Фонтенбло и спросил, не сдаст ли кто дом. Ему указали на зажиточный дом почти у самого въезда в город – такие строят богатые фермеры.

Дурной Жан тотчас же пошел туда и заплатил, сколько спрашивали.

Примерно за час до вероятного прибытия двора он отъехал шагов на тысячу и остановился в лесу по Меленской дороге. Он сел на ствол поваленного бурей дерева. Опершись локтями на колени, а головой на ладони, он ждал, неотрывно глядя на дорогу, по которой должна была проехать она.

Наконец раздался топот скачущего коня.

Дурной Жан вскочил, словно подброшенный какой-то силой, и взор его загорелся.

Появилась Мадлен Феррон. Она срезала дорогу через лес и опередила королевскую кавалькаду. Увидев Жана, она остановилась рядом с ним.

– Так что? – спросила она.

– Дом готов, мадам, – ответил Дурной Жан не просто почтительно, но и с глубоким чувством. Но поднять глаза на Мадлен он как будто не смел.

– Где этот дом?

– Четвертый слева прямо по первой же улице. Только он, боюсь, не достоин...

Мадлен пожала плечами.

– Приходи туда ко мне, да поскорее, – велела она.

Через пару минут она остановилась возле указанного дома, прыгнула на землю, привязала лошадь к кольцу и зашла внутрь – все это так проворно, что никто из соседей ее не заметил.

Еще через десять минут подошел и Жан-Калека.

– Конюшня здесь есть? – спросила Мадлен.

– Да, мадам, я туда свою лошадь поставил.

– Дом я посмотрела, – сказала она.

Жан-Калека взглянул на нее с тревожным вопросом во взгляде.

– Все хорошо, – сказала она. – Ты все правильно сделал. А сам где будешь ночевать?

– В конюшне, – ответил он шепотом.

Тут на улице послышался громкий шум. Мадлен подошла к окну. Ставни были приоткрыты так, что она видела все, а ее видно не было.

Поднялась суматоха. Жители Фонтенбло в праздничных нарядах высыпали на улицы.

Сильно взволнованный человек в черном, окруженный главными лицами городка, стоял со свитком в руке: то было приветствие государю, которое он должен был прочесть.

Раздались крики: «Да здравствует король!» Человек в черном шагнул вперед, другие важные лица тоже.

Мадлен Феррон у окна ожидала, не поведя бровью.

Вот на улице вдруг настала полная тишина: должно быть, человек в черном читал королю свое приветствие.

Потом опять раздались крики.

Наконец появился король, окруженный вельможами!

– Жан! – позвала Мадлен Феррон.

Тот одним прыжком оказался рядом с ней.

– Посмотри вон на того человека.

– Вижу...

– Это французский король.

– Я знаю, мадам...

Король прошел, проехал обоз, потом еще всадники.

Мадлен задумчиво стояла у окна.

Минут через десять она увидела Рагастена с тремя товарищами.

– Поезжай за этими людьми, – сказала она, – узнай, где они остановились. А потом приходи сюда, поговорим.

Дурной Жан опрометью бросился на улицу. Вернулся он через час.

– Те всадники живут в трактире «Великий Карл» на Дровяной улице.

– Хорошо, – сказала Мадлен и села. Дурной Жан по-прежнему стоял перед ней.

Вдруг она посмотрела ему прямо в глаза. Он опустил голову.

– Так ты говоришь, что спать будешь в конюшне? – спросила она.

– Да, мадам... чтобы вас не стеснять...

Она еще раз посмотрела на него – это взгляд потряс его до глубины души.

– Ты хорошо запомнил того человека, что я тебе показала? – спросила она.

– Короля? Да, мадам.

– А если бы я велела убить его, ты что бы сделал?

– Убил бы, мадам.

И он с пылом заговорил:

– Велите мне убить короля – я убью короля. Велите убить папу римского – пойду в Рим и убью папу. Велите отречься от веры, похулить Христа – отрекись даже на костре, буду хулить Бога даже под пыткой. Вы, мадам, мой король мой бог! Да вы же знаете это! Что я вам говорю! Я ваш весь телом и душой. За час, подобный тому, что я провел с вами, я согласен на вечные муки... Да и что мне было бы в рае без вас! О, только подумаю об этой ночи! А я всегда о ней думаю! В этом воспоминанье теперь вся моя жизнь. Нет такого мгновенья, чтобы в моем воображении не вставала эта картина. Она преследует меня... Иногда, чтоб усмирить мучения, я сам себе терзаю грудь. О, мадам, сжальтесь еще раз надо мной! Скажите

всего одно слово! Пусть я буду жить хоть с тенью надежды, хоть с обманчивым призраком! И пускай за этим призраком последуют самые ужасные муки! И пускай надежда сокроется, оставив мне только жуткие страдания сожалений!

Мадлен внимала его излиянию страсти.

– Кто же тебе не велит надеяться? – ласково спросила она.

– О, мадам! – растерявшись, пробормотал Жан. – Только не сводите меня с ума от радости!

– Послушай – ведь в первый раз я не была настолько жестока?

– Правда, – ответил он, вдруг помрачнев. – Но ведь вы тогда не знали...

– О чем не знала?

Он потупил взор и весь побледнел.

– О твоей болезни? – спросила она с таким совершенным равнодушием, что его всего сотрясло изумление – как будто на его словах великая королева выбросила корону в сточную канаву.

Он так и застыл, обалдев от неожиданности и ужаса. Она встала и подошла к нему. Улыбки на ее губах больше не было. Ласковый взгляд превратился в суровый и злой.

– Я вас боюсь, мадам! – воскликнул он.

Она схватила его за руку.

– Болезни! – воскликнула она. – Хочешь, я тебе все скажу, мой бедный изгой? Твоя-то болезнь мне и была нужна!

Он вскрикнул от ужаса и отчаянья.

– Правда ли это? Не сон ли? Вас ли я сейчас слышу?

– Болезни! Я хотела, чтобы ею заболел еще один человек. Я его ненавижу, я придумывала ему самые страшные казни... Я хотела... но, кажется, ничего не вышло... Кажется, он удрал от меня, потому что все время бежит за новыми любовницами...

– Кто он? Кто он?! – грозно крикнул Дурной Жан.

– Это король!

Жан, совсем сбитый с толку, с немым ужасом уставился на нее.

– Ничего не вышло, сказала я себе. Тогда я поражу его иначе! Мне надобно покорное орудие, верный раб... Будешь таким орудием?

– Уже есмь! – глухо проговорил он.

– Будешь ненавидеть короля, как я его ненавижу?

– Всеми силами моими, с этого мига начиная.

– Прекрасно! За это, Дурной Жан, я буду твоей.

– Кода же? Когда?

– Когда он умрет! – ответила она.

* * *

Жан-Калека выбежал, как безумный, и забился в дальний угол конюшни.

Там, крепко сжав виски ладонями, он думал:

«Она любит!.. Никогда я не страдал ужаснее... Любит короля!.. До чего же сильно она любит его, чтобы задумать и совершить такое безумство, как она! Отравила себя, чтобы отравить короля... Погубила свою красоту, чтобы погубить его жизнь... Она его любит! А я, несчастный, кто для нее? Жалкое орудие! Она сама так сказала... А я согласился... Да, согласился! И соглашаюсь! Что с того, что мысль ее будет с другим, если сама она – со мной! О, восторг часов любви! А тот человек – король, проехавший с гордой улыбкой, – он умрет! Я выношу ему приговор! Пусть даже она сама теперь захочет его спасти – уже поздно! Моя ненависть сделает больше всех ядов...»

Он встал и погрозил кулаком. Ужасен был его вид.

Мадлен Феррон неотрывно следила за ним в слуховое окно. Увидела, что он так страшен и грозен, и улыбка мелькнула на ее бледных губах.

IX. Гонец из Парижа

К замку Фонтенбло примыкал огромный парк, прекрасные остатки которого можно видеть и поныне. Парк был окружен со всех сторон высокой стеной.

Когда в замок приезжал Франциск I, вдоль всей стены с внутренней стороны расставляли стражу. Между постами расстояние было около ста шагов.

Трибуле уже дважды бывал в Фонтенбло вместе с королем. Он все это знал в подробностях. И все же он решил попасть в замок через парк. Своим планом он поделился с Рагастеном и Манфредом: любой ценой попасть в парк и разузнать, в котором из помещений замка заперли Жилет.

Там уж он достаточно хорошо знал расположение всех комнат, чтобы темной ночью пробраться туда вместе с друзьями.

Они вчетвером проберутся в замок, готовые убить всякого, кто встанет у них на пути, доберутся до Жилет, похитят ее и уедут в Италию.

В первый же вечер Трибуле с тремя товарищами отправился изучать окрестности замка. Проходя мимо роскошного фасада, Рагастен с Манфредом убедились: иначе, как через парк, попасть сюда невозможно. Во дворе стояло полно вооруженных людей.

Со стороны же парка было темно и пустынно. Они пошли вдоль стены. С другой стороны временами доносились крики перекликающихся часовых.

Товарищи обошли весь парк кругом. Сзади стена местами обветшала: кирпичи повываливались, появились дыры.

Все четверо вернулись домой: в тот вечер им ничего не удалось предпринять.

То же и на другой день, и после: в единственном месте, где можно было перебраться, стоял часовой. Всем четверым претила мысль, что придется убить ни в чем не повинного человека, а то ничего не выйдет. Так прошло десять томительных дней.

Манфред отчаивался, и отчаянье лишало его рассудка. Он говорил: надо войти в замок среди бела дня, напасть прямо на короля, вызвать его на бой!

Вечером одиннадцатого дня Рагастен вполголоса совещался с Трибуле.

– Придется его убирать! – мрачно сказал Трибуле.

– Часового?

– Ну да... ведь иначе ничего не сделаешь...

– Тогда я беру его на себя, – сказал Рагастен.

Он надеялся, что сможет прыгнуть на солдата и связать так скоро, что тот не успеет закричать.

И вот товарищи в одиннадцатый раз подошли к стене.

Было часов десять вечера.

– Я иду первым, – сказал Рагастен, когда они дошли до нужного места. – Как будет готово – кликну. Перелезете по одному, а там видно будет.

В тот же момент вдалеке прозвучал клич часового, потом ближе, ближе...

Наконец его повторил тот солдат, что стоял напротив Рагастена с другой стороны стены.

Услышав его голос, Трибуле вздрогнул, подскочил к Рагастену и схватил его за руку.

– Погодите! – сказал он. – Я сам полезу.

Тут же он оказался наверху стены и оттуда подал друзьям знак: ни звука!

Трибуле ясно видел неподвижного часового, тот стоял, опершись на алебарду.

Трибуле тихонько позвал:

– Людвиг!

Солдат вздрогнул от неожиданности.

– Кто меня зовет? – вскрикнул он.
– Тише, тише... подойди ближе... вот так! Узнаешь друга? А я тебя, проклят буду, не забыл!

Солдат узнал его голос:

– Господин Трибуле! А говорили, вы в Бастилии?
– Правда? А кто же так говорил, славный Людвиг?
– Да все. Господин Монтгомери вас арестовал и сам отвез в крепость.
– Ишь ты! Но видишь сам: может, я и был в Бастилии, но теперь вышел.
– Вы оттуда вышли! – воскликнул изумленный швейцарец.
– Да, нарочно вышел спросить тебя: все так же ты хочешь опять увидеть гору Юнгфрау, услышать коровьи колокольчики, поцеловать свою невесту... как бишь ее звали?

– Катарина! – уже растаял солдат.

– Да-да, Катарину. Так помнишь ли, славный мой Людвиг, что я тебе обещал тогда в Лувре?

– Как не помнить! Да я только о том и думаю, вы мне всю душу перевернули... Тысяча экю!

– Да, в монетах по шесть парижских ливров. Как раз хватит на ферму в родной долине. Постройшь домик, женишься на Катарине, будешь жить долго-долго с целым выводком маленьких Людвигов...

– Опять вы меня искушаете, господин Трибуле! – вздохнул солдат.

– И вовсе нет! Я пришел тебе сказать, что готов выполнить обещание.

– Тысячу экю!

– Приходи да забирай.

– А куда прийти? – пылко спросил солдат?

– В трактир «Великий Карл».

– Когда?

– Когда хочешь.

– Какой же вы, правда, хороший человек! Сами потрудились нарочно...

– Нарочно, чтобы обогатить тебя. Я же обещал!

– Обещали, только я так и не успел оказать вам ту услугу, что вы просили. Я думал...

– Так теперь, добрый мой Людвиг, я тебя попрошу о другой услуге.

– Ах, так... – разочарованно протянул солдат.

– Совсем не такую опасную, как в тот раз, а ты ведь тогда соглашался. Ну да я тебя не неволю. В швейцарской гвардии многие согласятся честно заработать тысячу экю за доброе дело.

– Верно, такое доброе, что и в петлю можно попасть...

– Можно, если ты растяпа и денег не имеешь. Но ты, Людвиг, не растяпа, а деньги у тебя будут.

– Что нужно сделать? – спросил Людвиг.

– Просто на пару минут отвернуться и уши заткнуть.

– Вам нужно тайком пробраться в замок?

– Ну да. И еще кое о чем тебя спросить. Может, ты знаешь. Это и есть самое главное.

– Спрашивайте.

– Ты слышал про девушку, которую король привез сюда накануне того дня, когда приехал сюда сам?

– Вы говорите про мадам герцогиню де Фонтенбло?

– Про нее! – не скрывая волнения, ответил Трибуле.

– Бедная барышня, так все грустит!

– Вот как! – воскликнул Трибуле. – Так ты ее, значит, видел?

– Два раза, как стоял на часах у самого дворца. Она выходила в парк погулять.

– Одна? – спросил Трибуле, тяжело дыша.

– С ней еще две дамы.

– А далеко она уходила в парк?

– Да нет, совсем недалеко.

– Людвиг! Хочешь заработать не тысячу экю, а две тысячи, три – все, что у меня есть? Хочешь стать богатым, как буржуа? Скажи – хочешь?

– Тихо! – шепотом прервал его Людвиг.

Трибуле услышал приближающиеся шаги. То был дозор.

Он прижался к стене. Сердце его трепетало при мысли, что Людвиг сделает все, что он захочет.

Дозор с офицером во главе подошел. Офицер обменялся несколькими словами с Людвигом и пошел дальше.

– Когда ты в следующий раз будешь стоять на посту, Людвиг? – заговорил Трибуле.

– Послезавтра.

– На этом самом месте?

– Могу и сюда попроситься.

– Прекрасно! Возьмешься завтра подойти к герцогине де Фонтенбло?

– Можно... Она негордая, кое с кем из товарищей уже и сама заговаривала.

– Так скажи ей, чтобы она была в парке в час смены караула.

– То есть в десять вечера. А в каком месте?

– У большого пруда с карпами. Согласен?

– Согласен!

– Повтори, что я сказал.

– Завтра я подойду к маленькой герцогине так, чтобы она меня заметила, она со мной заговорит, а я скажу: «Завтра в десять вечера господин Трибуле будет у пруда с карпами». Правильно я понял?

– Все верно, славный мой Людвиг. Значит, послезавтра вечером, в десять часов, на этом самом месте.

– Договорились.

– А потом ты убежишь вместе с нами, разбогатеешь и скроешься в Швейцарии.

– Ах, Катарина, Катарина! – вздохнул швейцарец.

Трибуле тихонько спрыгнул со стены.

Они с товарищами вернулись в трактир «Великий Карл». На другой день туда доставили дорожный экипаж, который купил Спадакаппа. На третий день все лихорадочно ждали.

Трибуле не находил себе места, вслух разговаривал сам с собой, жал руку Рагастену.

Манфред с виду был спокойнее, но и его сотрясало глубокое волнение. В восемь часов он сказал:

– Поехали!

Было еще рановато, но Рагастен понял, что юноша больше не может терпеть.

Все четверо поспешно собрались, взяли оружие и вышли на улицу. Тут на повороте Дровяной улицы как раз показался всадник. Увидев Манфреда, он радостно вскрикнул, остановил коня и спрыгнул на землю. Конь тут же рухнул: он был совсем загнан, кровь шла у него из ноздрей.

Манфред страшно побледнел: он узнал Кокардэра.

– Лантене? – с тревогой спросил он.

– Да, он меня и прислал. Вот нате.

Он отдал Манфреду запечатанное письмо.

Все вместе вернулись в трактир. Манфред медленно распечатал письмо, развернул и прочел:

«Полдень. Дело завтра утром, в семь часов. Доле сожгут. Если не удастся похитить его по дороге от Консьержери к Гревской площади, тогда, друг мой, брат мой... понимаешь!

Жду тебя!»

Манфред молча передал письмо Рагастену. Тот прочитал сам и передал Трибуле.

Рагастен сел на лавку. Трибуле словно обухом по голове ударили.

– Как же так... – пробормотал он. Губы его побелели. – Может, ты поедешь... потом...

– Потом! – с отчаяньем и упреком ответил Манфред. – Потом будет уже полночь, а то и час ночи: никак не успею...

Он вдруг повернулся к Кокардэру, который смотрел на них, ничего не понимая.

– Ступай в конюшню, – сказал Манфред, – седлай двух коней. Спадакаппа тебе покажет, какие самые лучшие.

Спадакаппа и Кокардэр бросились, куда им сказали. Рагастен встал и пожал руку Манфреду.

– Ну что ж, дитя мое, – сказал он просто, опять называя юношу так, от чего тот уже вздрагивал.

Повернувшись к Трибуле, шевалье продолжал:

– Нас осталось только трое. Помощь нашего друга очень ценна, но я уверен: мы справимся так же, как если бы нас было четверо!

Манфред понял, что собрался сделать шевалье и тоже пожал ему руку.

Вернулся Кокардэр.

– Ты не слишком устал? – спросил Манфред. – Можешь сейчас ехать обратно?

– Сил у меня никаких, но если только совсем не помру – непременно буду к утру в Париже! Если бы вы только видели сегодня Лантене!

– Тогда поехали! – хрипло сказал Манфред.

Секунду спустя Рагастен, Трибуле и Спадакаппа услышали топот бешеной скачки.

– Пошли и мы! – сказал тогда Трибуле.

Они направились к парку.

Манфред и Кокардэр скакали по Меленской дороге.

Кокардэр напряженно вслушивался, был готов к бою и притом разговаривал.

– Как ты нас нашел? – спросил Манфред.

– Я и не думал, но мне повезло. Надо сказать, когда я прискакал в Фонтенбло, то ничего уже не соображал: такая скачка меня всего разбила. У первого дома я слез с коня и огляделся. Никого не было. Я постучался в один крестьянский дом и спросил, как учил меня Лантене, не видали ли они дворянина по имени шевалье де Рагастен, не знают ли, где он живет. Мне сказали, чтоб я спрашивал во дворце, и захлопнули дверь. Должно быть, испугались меня... Я стоял, как дурак, не зная куда деваться, и тут из соседнего дома вышла женщина...

– Женщина?

– Женщина в мужской одежде. Красивая, насколько я разглядел. Она мне сказала: «Я слышала, что вы ищете господина де Рагастена».

Я на всякий случай спросил: «А вы кто, сударыня?»

Она только пожала плечами и опять спросила: «Так вы его ищете?»

«Ищу, – ответил я. – И дело очень спешное».

«Так поезжайте на Дровяную улицу около дворца, – сказала она, – и остановитесь у трактира «Великий Карл».

– С этими словами она вдруг исчезла, – завершил рассказ Кокардэр, – а я пришпорил несчастного коня, чтобы он напрягся из последних сил.

Манфред невольно подумал о Мадлен Феррон. Кто же еще, кроме Мадлен, мог интересоваться шевалье де Рагастеном, которого в Фонтенбло никто не знал?

«Неужто эта женщина – наш добрый гений?» – думал он.

Словно два призрака, пролетели они через Мелен. За городом сделали часовой привал – иначе лошади не доскакали бы до Парижа.

Каждый конь получил полную меру овса из седельной сумки, а Кокардэр заодно съел кусок говядины с двумя большими ломтями хлеба. Манфред же только немного промочил горло.

Потом всадники опять вскочили в седло и помчались тем же аллюром. Около двух часов ночи они достигли ворот Парижа.

– Какой же я дурень! – огорченно воскликнул Манфред. – Ворота-то заперты! Как я мог про это забыть!

– Ворота отпирают в пять часов, – сказал Кокардэр, – а дело назначено только на семь...

Манфред нетерпеливо подпрыгивал, держа коня под уздцы, и вдруг решился.

– Пошли, – сказал он Кокардэру.

Он постучался в калитку, устроенную рядом с главными воротами. Через несколько секунд солдат отворил.

– Друг, – сказал Манфред, – у меня срочная депеша к вашему сержанту.

– Проходите, – отозвался солдат.

Они прошли через комнату с низкими сводами и вошли в другую, побольше – собственно караульную.

Манфред тут же увидел, где в ней дверь на улицу и подал знак Кокардэру.

Тот подошел к двери.

– А вот и сержант, – сказал солдат.

– Чего вам надо? – спросил начальник караула.

– Сказать, что мне немедленно нужно в Париж, – ответил Манфред, краем глаза поглядывая на Кокардэра.

– В такой час в Париж не въезжают, – сурово возразил сержант. – Взять обоих!

– Давай сюда! – крикнул в этот момент Кокардэр, настежь распахнув дверь и ринувшись на улицу.

Сержант понял, что его надули, и попытался загородить дорогу Манфреду, но тот ударом кулака отбросил его на несколько шагов и тоже выскочил.

Через мгновение послышались аркебузные выстрелы – это караульные пару раз пальнули им вслед для очистки совести.

Час спустя Манфред с Кокардэром были во Дворе чудес.

– Сейчас три часа, – сказал Кокардэр. – До шести я посплю, а то от меня никакого толку не будет.

– Спи спокойно, я тебя разбужу.

И Манфред пошел в жилище, которое занимал Лантене, где укрывались Жюли и Авет – жена и дочь Этьена Доле.

Увидев друга, Лантене радостно вскрикнул и стиснул его в объятиях. Глазами он указал ему на плачущих несчастных женщин.

– Так его все-таки осудили! – воскликнул Манфред.

– Но еще не все потеряно, – возразил Лантене. – Мы его выручим!

– Непременно!

– Сударь, сударь! – запричитала Авет, молитвенно сложив руки. – Бедный отец!

Жюли как будто ничего не видела и не слышала.

– Мы решимся на невозможное! – воскликнул Манфред.

– Пошли со мной, – сказал ему Лантене.

Они вышли.

– Сердце разрывается, глядя на их слезы! – сказал Лантене. – Пойдем, я покажу тебе, как я распорядился, чтобы мы действовали заодно.

Воры Двора чудес готовили оружие для задуманного дела.

Манфред и Лантене подошли к Консьержери.

– Где будет казнь? – спросил Манфред.

– Сейчас. Смотри, вот Консьержери. Его вывезут через эту дверь. Пойдем там, где его повезут.

Они перешли мост, повернули сразу направо и через несколько шагов вышли на Грев-скую площадь.

В самой середине площади несколько человек занимались необычной работой: как будто строили высокую квадратную башню.

Тщательно, методично они накладывали друг на друга большие вязанки дров.

Ряд поленьев – ряд хвороста, еще ряд поленьев – еще ряд хвороста, и так далее... Это кубическое сооружение выкладывалось вокруг высокого квадратного столба, глубоко врытого в землю.

Эти рабочие были помощниками палача, а возводили они костер.

– Так здесь его и сожгут? – спросил Манфред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.